

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

КЛЮЧЕВАЯ ФРАЗА

«Рубену Маркарьяну удалось смешать в одном сосуде свою богатую адвокатскую практику, детективную интригу, обширные литературные, исторические и многие, многие другие знания вкупе со своей творческой фантазией».

Валерий Залманов

вице-президент Адвокатской палаты
города Москвы, заслуженный
юрист РФ

РУБЕН МАРКАРЬЯН

Исторические приключения

Рубен Маркарьян

Ключевая фраза

«Яуза»

2020

УДК 94
ББК 63.3(0)

Маркарьян Р. В.

Ключевая фраза / Р. В. Маркарьян — «Яуза»,
2020 — (Исторические приключения)

ISBN 978-5-00155-156-0

Основанный на реальных событиях, мистический и конспирологический детектив написан известным российским адвокатом, принимавшим участие в ряде громких судебных дел и сделавшимся лицом популярных телепроектов «Суд присяжных» и «Окончательный вердикт». На поиски фразы, управляющей умами присяжных, и библейского артефакта, дающего власть над судебной системой, автор отправляет адвоката Артема Каховского. В водовороте криминальных событий герои романа пытаются постичь тайные основы жизни и судьбы.

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-00155-156-0

© Маркарьян Р. В., 2020
© Яуза, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	38
Глава 10	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Рубен Валерьевич Маркарян

Ключевая фраза

© Маркарян Р.В., 2020

© ООО «Яуза-Каталог», 2020

Глава 1

– Мы решили использовать азотную кислоту. Он должен был ее выпить!

Валерий Игнатьев, восемнадцатилетний студент исторического факультета МГУ, заключенный под стражу, сидел напротив адвоката в комнате для допросов московского следственного изолятора и мучился, в который раз описывая произошедшее. Модный синий спортивный костюм выглядел бы на вихрастом парне гармонично, если бы не источал плотный запах табачного дыма с примесями чеснока и несправедливости – непременными ароматами СИЗО. Неспортивный характер одежды и обстановки подчеркивали носки цвета серых стен, перекрещенные ремнями домашних тапок.

– Азотная кислота – не рюмка водки, – проговорил адвокат, ослабляя узел галстука и морщась от надоевшего за годы практики смрада неволи. – Вряд ли ее можно выпить, не поняв, что это. Вы рассчитывали, что он...

– ...Алкаш? – не дал закончить вопрос адвокату Игнатьев. – Я должен был его напоить сначала, а потом дать отраву. Он же пьет до беспамятства... Скот... И ведь выжил же!!! Живучий...

Игнатьев сжал кулаки, видно было, что он не особо раскаивается в содеянном. Адвокат, посмотрев на побелевшие кисти рук подзащитного, вздохнул.

– Он же не человек – животное! – продолжил обвиняемый. – Ведь она сколько натерпелась из-за него. Он ведь только пил! Лежал на диване и пил. А она, моя Лиза...

Глаза его заблестели, в их уголках приготовились к побегу слезы.

– Лиза, она же... еще с детства, мать у нее алкашня, отец был военный-подводник, ушел, Лиза еще маленькая была. Мать совсем спилась тогда. Лиза рассказывала, как она обноси донашивала, как вставала сама в школу утром, когда мать после вчерашнего валялась с очередным хахалем в своей комнате, а вместо завтрака на столе приклеена на холодильнике записка: «Не лезь, сука, в холодильник, урою!» В Москву сбежала, как только семнадцать стукнуло...

Игнатьев быстро поднес руку к лицу и поймал первую стартовавшую слезу на лету. Вытер пальцы о штаны спортивного костюма, оставив дополнение к уже сформировавшемуся за месяцы заключения пятну, и продолжил:

– За этого замуж вышла, так та же история – она на работе по 12 часов, на дому еще шьет, а этот урод все пропивает. Вот почему ей такое дерьмо досталось?

– Может, любила она его, такого, раз уж не разводилась? Законная жена в течение пяти лет... опять же, венчались они, это ж не просто так? – спросил адвокат.

Игнатьев вскочил с привинченного к полу стула и зашагал по комнате, разрезая телом пыльные солнечные лучи из окна. Пройдя несколько шагов из угла в угол, он остановился и, не глядя на адвоката, уверенно сказал:

– Нет! Не могла она его любить! Она любила меня! И с кислотой этой не моя идея была, я бы его проще кончил...

Глава 2

Адвокат Артем Каховский, закончив опрос своего подзащитного студента, расписался в требовании, вызвал конвойного, вдавив красный прыщ кнопки на стене, и стал ждать. Игнатъев стоял у окна, разглядывая улицу. Прозрачное стекло пропускало солнечный свет, разбавленный стальной решеткой, но не воздух свободы. В СИЗО даже этот общедоступный товар всегда по норме – окно наглухо закрыто, дышать свежим воздухом разрешается только во время прогулок во внутреннем дворе. Внутренний же двор в «Матроске» обустроен на крыше одного из зданий, укрыт металлическим навесом от дождя и посторонних глаз; во время прогулки музыка играет, чтобы заключенные не переговаривались. Все продумано. В России неволю можно как товар продавать. Хорошего качества, с историческими традициями, а если рекламу дать за рубежом, то со всего мира эков на отсидку пришлют за валюту, бюджет не хуже чем от нефтедолларов пополнится.

– У нас не видно улицы из камеры, – с грустью сказал Валерий. – Хорошо, когда нам для встреч достается эта сторона. Можно на волю посмотреть. Люди ходят, трамваи ездят... Жизнь...

Игнатъев вздохнул.

Адвокат встал, подошел к двери, открыл ее и выглянул в коридор. В этой недавно выкрашенной в светлые тона кухне по стенкам зияли коричневые язвы дверей «допросных», из которых торчали полипы голов ожидающих конвойного адвокатов.

«Время к обеду, народ потянется на выход. Придется опять ждать», – с грустью подумал Каховский, представлявший из себя в эту минуту такой же полип.

– Почему «Матросская тишина»? – спросил вдруг Игнатъев. – В смысле, очевидно, СИЗО называется так, потому что улица Матросская тишина. А почему улицу так странно назвали?

Адвокат улыбнулся.

– Студенту исторического факультета стало любопытно? Петр Первый на берегу Яузы построил парусную фабрику и разместил при ней матросскую слободу. Потом фабрику перевели в Новгород, а в ее зданиях была устроена Екатерининская богадельня для матросов-ветеранов. Поселив на этой улице флотских инвалидов, Пётр издал указ, запрещающий проезд по улице карет и повозок, чтоб не грохотали. Так и появилось название улицы: Матросская тишина.

– Да? Интересно... Я на исторический пошел как раз потому, что вот интересно такие вещи узнавать... Вот думаю как-то, отчего немцев мы зовем немцами? Ведь страна у них Дойчланд, сами они не немцы, а дойче, а раньше их германцами называли. Откуда немцы-то?

Студент вопросительно посмотрел на адвоката, как бы спрашивая: интересно узнать? Каховский знал ответ, но сделал вид, что заинтересован. Он привык поддерживать своих клиентов в условиях СИЗО, для них любое отвлечение от унылых однообразных будней тюрьмы было как дополнительный глоток свежего дозированного воздуха.

Игнатъев продолжил:

– На самом деле слово «дойче» – это с древнегерманского «народ». А вот «немцы» – от нашего «немой», то есть говорящий на непонятном языке. Немцами у нас еще со времен новгородских летописей называли не только германцев, но и англичан, голландцев и прочих шведов...

Он опять помрачнел. Видно было, как быстро Игнатъев завершил мысленный круг воспоминаний: от свободы, университета, сокурсников, шумных студенческих вечеринок до сегодняшней серости будней нахождения под стражей, в камере с темными личностями, с которыми так пока и не получалось наладить отношения. Глаза Валерия опять наполнились слезами, но в этот раз он не сдержался и заплакал, уткнувшись лбом в холодное оконное стекло.

Артем молчал. Он знал, что мужчине, даже такому юному, нужно говорить слова утешения после того, как он сам сделает попытку справиться с рыданиями. Мужчина делает это инстинктивно, сглатывая слюну или начиная кашлять. Мужчины не говорят сквозь плач, как женщины, и не выплакивают всех слез, прежде чем успокоиться. Мужчинам не нравится дрожащий собственный голос, они не могут позволить себе быть слабыми, а дрожь в голосе – основной признак слабости. Поэтому чаще всего мужчина молчит, чтобы справиться с волнением, страхом и безысходностью.

Следственный изолятор – то место, где волнение, страх и безысходность обрушиваются на неопытного человека всей своей подавляющей мощью, стремясь раздавить волю, сломать, уничтожить личность. Ученые-психологи придумали для описания состояния человека, впервые попавшего в СИЗО (да и вообще в абсолютно новую обстановку), странное словосочетание – «культурный шок». Шок от смены культур, в которых привык находиться.

Из культурного шока человек выходит с новой личностью – сломавшейся, опустившейся, безвольной, отдающей себя на волю победителя – любого более сильного существа из системы: сокамерника или следователя, либо личностью с новой кожей, огрубевшей, эластичной, способной выдержать удар. Человек привыкает ко всему, так говорят. Конечно, это выражение тоже относительное: человек не может привыкнуть к пыткам, голоду или постоянным издевательствам, воздействующим на психику, ломающим ее безвозвратно, то есть превращающим человека в животное с инстинктами. Но московское СИЗО XXI века при всех его недостатках – это не лагерь смерти, тут все-таки работает закон и не все так плохо, как это иногда изображают пишущие на тюремные темы журналисты или сами обитатели тюрем.

Артем в силу своей профессии и стажа работы был знаком с нюансами изменений, происходящих в личности арестованного и пребывающего под стражей человека. Он даже делал кое-какие пометки для себя, чтобы в будущем, где-нибудь ближе к пенсии, поделиться своими знаниями с потомками, выпустив какую-нибудь книгу вроде учебного пособия. Он уже встречал подобные произведения своих коллег, особенно имевших опыт отсидки в СИЗО, а то и в колонии, ставших адвокатами именно в силу того, что они оказались в этой системе и вышли из нее переродившимися. Тем не менее ему казалось, что все эти выпускаемые брошюры с названиями «Если вас арестовали» или «Как выжить в тюрьме?» не до конца психологически обоснованы. Люди, писавшие эти произведения, либо писать не умели, либо писали, стараясь ответить на вопрос, что делать и как делать. Артем же задумывался над вопросом, *как извлечь из этого пользу*. Он полагал, что если жесткие условия какой-нибудь частной британской school или элитного военного российского вуза впоследствии вспоминаются их выпускниками словами благодарности за «школу жизни», то почему школу СИЗО не использовать сразу для лучшего усвоения материала, понимая, что пребывание здесь вечным не будет? Артем пытался своим подзащитным, находящимся в СИЗО, внушить мысль, что это все *приключение*, которое с ними происходит и от которого имеет смысл сразу начать получать доход, если уж не удовольствие, а не терпеть и ждать, пока это не кончится. Опять же, Артем понимал, что эти психологические приемы помощи рождению новой сильной личности применимы только к мужчинам, а к женщинам – только в порядке исключения. Женщина просто хочет домой. Ей не нужно становиться сильной личностью, ибо женщина не для того создана природой.

– Слушай, Валерий! – обратился адвокат к Игнатьеву, видя, что тот, наконец, успокаивается. – Вот ты крепкий парень, чуток всплакнул, это нормально, но ты не бьешься в истерику, не орешь лозунги через решетку, не вскрываешь себе вены...

Застывший было и внимательно начавший слушать адвоката Игнатьев вздрогнул при слове «вены».

– Да-да, представь себе, есть некоторые, которые кончают жизнь самоубийством, – продолжил адвокат. – Точнее, делают вид... В знак протеста против системы. Глодают ложки,

гвозди, вон в музее Бутырской тюрьмы есть целый стенд с предметами, вынутыми из желудков заключенных. Один уникам проглотил целый комплект домино. Сколько там их, штук сорок?

Валерий задумался, разговор его явно заинтересовал.

– Зачем глотать доминошки, в знак протеста? – спросил он.

– Нет, доминошки не протест. Доминошки – это скорее способ попасть на больничку, отдохнуть от камеры. Ну, пока их вытащат, пока то-сё... А в знак протеста или вены вскрывают, или голодают.

– Мы как-то устроили трехдневную голодовку на курсе, в знак протеста! – с гордостью заявил Игнатъев. – Там препод у нас... ну, в общем, он такой был... Хотя я точно не помню, с чего все началось. Короче, мы так решили ему насолить...

– Трехдневная голодовка? – усмехнулся Каховский. – Забавно. Это как самосожжение одного пальца. Вышел на площадь, надел резиновую перчатку, облил один палец бензином и поджег. Потом задул. Самосожжение!!! Нет уж! Голодовка не может быть трехдневной или десятидневной. Это пост какой-то получается, диета, разгрузочные дни, но только не протест! Протест – это когда человек знает, что иначе чем угрозой смерти, собственной смерти, ему не добиться правды, ЕГО правды. И он готов умереть за эту правду. Иначе нет смысла. Но я не об этом хотел сказать. Я хотел сказать, что ты, находясь в этих условиях, должен попытаться извлечь максимум для себя полезного, чтобы, выйдя отсюда, стать великим человеком!

– Великим человеком? – начал улыбаться Игнатъев. – СИЗО как раз кузница великих людей. Ага... Тут рождаются великие люди, где же им еще рождаться?

– Зря ерничаешь! – спокойно глядя в голубые глаза студента, сказал адвокат. – Вот, например, какое литературное произведение Нобелевским комитетом признано самым выдающимся произведением в истории человечества, знаешь?

Студент задумался.

– «Ромео и Джульетта»? – спросил он неуверенно.

– Первая попытка – аут! Вторая! – начал игру Артем.

– В смысле, вы хотите сказать, что автор этого произведения – бывший зек? – догадался Игнатъев.

– Мало того, писал он его, сидя в тюрьме! – подсказал адвокат.

– Неужели?... Нет... не может быть... А может, О'Генри? Я слышал, он писал свои книги в тюрьме...

– Верно, писал. Хорошие вещи, кстати, передавал в печать через надзирателя, поэтому и писал под псевдонимом, но не он. Кстати, видишь, ты сам привел пример, как человек с пользой провел время в тюрьме. Разве стал бы он великим О'Генри, если бы не присел? А самый великий литератор, по мнению Нобелевского комитета, – Сервантес. За «Дон Кихота». Был он сборщиком податей типа нашего налогового инспектора в свое время, да проворовался. Вот во время второй ходки и написал. Талант, а реализовать его времени на свободе не было. Понимаешь?

– Ну, я писать-то не умею, – нахмурился Игнатъев.

– Я и не предлагаю писать. Куда тебе в восемнадцать-то лет уметь? – Каховский пожал плечами. – Слушай, вот какая история: есть у меня один приятель, живет за границей в Бельгии. Пишет всякую ерунду, как принято, – в блоге, в соцсетях. Пишет неплохо, пару раз пробовал публиковаться, но за статьи и книги платят гроши. Хорошие деньги платят за сценарии к фильмам и сериалам. Индустрия кино сейчас развита ого-го! Снять могут все что угодно – техника, сам понимаешь! А вот с хорошими сценариями проблема. В Америке за хорошими сценариями очередь, с руками отрывают. Так вот, мой приятель решил научиться писать сценарии. Надо сказать, это особая технология, это не роман и не повесть, это литературный пазл, мозаика. Поэтому существуют платные курсы сценаристов, куда он и направился. Подружился он со своим преподавом, тот ему и жалуется (они одного возраста были, под полтинник): вот,

мол, беда с этими желающими стать великими сценаристами для оscarоносных фильмов. У меня, говорит, группа – двадцать человек. Половина писать умеет, это выпускники литературных школ и прочих учебных заведений, но у них нет жизненного опыта, им писать не о чем. Другая половина – люди с богатым жизненным опытом, но они писать не умеют. Один человек в группе и писать умеет, и опыт жизненный у него имеется. Он – водолаз! Но он не хочет писать о подводных приключениях, он хочет писать про любовь!!!

Игнатьев улыбнулся.

– Ага... Прикольно. А в любви он никакой?

– Ну, вероятно, да, – согласился Артем. – Так вот, я о чем хочу сказать. Для тебя это бесценный жизненный опыт. Будешь ты писать об этом или нет, в любом случае он пригодится. Даже общение с темными личностями в твоей камере – это опыт. Как говорится, тюрьма – плохое место, но хуже тюрьмы только ее обитатели.

Так что тебе повезло в какой-то степени, сразу поймешь, какие люди плохие, а какие не очень. Взять хотя бы твоего препода, против которого вы себя голодом морили.

– А вот тут же у нас есть спецблок, там всякие сидят, политические... – понизив голос и озираясь по сторонам, сказал Игнатьев. – Вот там, наверное, даже интересно сидеть.

– Это да! – подтвердил адвокат. – Ну, вряд ли там все, как ты изволил выразиться, политические... Скорее, по заказным делам кто-то сел, заказывают же людей состоявшихся, которые мешают кому-то, в том числе, конечно, и на политической арене. Захочет кто-то стать, например, главой города, а у местных полицейских есть свой кандидат. Вот тебе и политическое дело, хотя сажают в основном стандартно, за мошенничество или еще какое интеллигентное преступление...

– А расскажите про таких! Ну, у вас же не только убийцы, как я... – Игнатьев сконфузился от своих слов. – Ну, обвиняемые по 105-й...

В этот момент вошел, наконец, конвойный.

– Вы все? Закончили? – обращаясь к адвокату, но ощупывая взглядом арестанта на предмет запрещенных изменений в его облике, спросил сотрудник охраны.

– Да, пожалуйста, – адвокат протянул подписанное требование.

Конвойный взглянул мельком и кивнул головой.

– Я скоро приду, – сказал Артем. – Держись тут, не раскисай.

Игнатьев вдруг воскликнул:

– Артем Валерьевич, вы же к Лизе пойдете, вы передайте ей...

– Все, достаточно, поговорите в следующий раз. Допрос окончен! – строго сказал представитель власти.

– Не волнуйся! Я все тебе потом расскажу! – сказал адвокат и вышел.

Глава 3

К выходу из СИЗО ползла пестрая гусеница людей в четыре лестничных пролета длинной. Юристы из разных лагерей – адвокаты и следователи – стояли, послушно держась правой стороны: кто разговаривая друг с другом, кто просто молча разглядывая проходящих по лестнице сотрудников в камуфлированной серой форме. Следователям в СИЗО традиционно отдавали предпочтение, они имели право проходить в тюрьму с мобильными телефонами. Поэтому как раз эту категорию посетителей можно было отличить по наличию смартфонов в руках, игрой с которыми они коротали время ожидания. Гусеница-очередь на выход из «Матросской тишины» перед обедом занимает почти всю лестницу. Ее сестра-близнец скучает снаружи, чтобы попасть внутрь. Эти ползучие недонасекомые рождаются из-за особенностей пропускного режима: проходить можно только по три человека. Причем эти три человека могут быть только из одной части очереди: либо из выходящих, либо из входящих. Тройка с улицы попадает сначала в «предбанник», за ними закрывается внешняя дверь. Потом гремит своей тяжестью внутренняя. Электрозамок, пытливые глаза сотрудника, дежурные вопросы о запрещенных предметах, карточка в обмен на мобильник, решетка, снова электрозамок, шуршание металлодетектора по телу, опять электрозамок, еще одна дверь с глазком отворяется, и вот она наконец – лестница. В открывшийся проем быстро проникает уставшее трио желающих выйти. Простая человеческая радость – оказаться в голове гусеницы-очереди, чтоб стальные челюсти двери отсекали ее, выплевывая очередную порцию посетителей на свободу.

Как-то случился побег заключенного из СИЗО – арестант поменялся с адвокатом местами. Защитник пришел на беседу с подзащитным, передел его в комнате для допросов в свой костюм, и тот спокойно вышел через несколько постов охраны.

Каховский стоял в очереди на выход и лениво шевелил мыслями, отвечая на вопрос, неизменно возникавший именно в этот момент: как арестант мог совершить побег, если пришлось стоять в такой же очереди? Следующий вопрос был об адвокате, который подменил арестанта: как он включал дурака после такого фокуса? Хотя, скорее всего, не был он никаким адвокатом, пришел некто с поддельным документом и потом только рот раскрывал, мол, знать ничего не знаю, мне сказали: это программа «Розыгрыш», дали пять тыщ рублей за участие.

Наконец Артем получил у дежурного свое оружие – телефон – и включил его, не дожидаясь выхода на улицу. Как понятно, за время вынужденного простоя на экране сгустилось приличное количество непринятых звонков, СМС-сообщений и прочей информации, без которой в последнее время Каховский не мог обходиться.

Вообще, общение с миром через карманный офис превратилось для него в какую-то маниакальную страсть. Конечно, Артем оправдывал вечное созерцание светящегося экрана своей занятостью и масштабностью задач, которые он вынужден решать в интересах своих клиентов, да и всего человечества (чего уж тут мелочиться), но на самом деле он понимал, что это уже наверняка зависимость. Листание ленты соцсетей, дискуссия с каким-нибудь «троллем», беспредметное умничанье в чужих хрониках – все это не было связано с работой, а больше было похоже на курение: достал пачку, вынул сигарету, щелкнул зажигалкой, затянулся. Но Артем не курил, потому и подменял тактильные ощущения одной вредной привычки ощущениями другой. Он мало говорил по телефону, и не потому, что излучение мобильных влияло на мозг, как волны микроволновой печи на разогреваемую курицу, а потому что просто не любил именно такой способ коммуникации. Артему нравилось одновременное общение с разными людьми, в то время как телефонный разговор мог быть посвящен лишь одной персоне. Артема раздражали люди, даже довольно близкие, для которых нужно было обязательно «слышать голос» и говорить.

«Неужели нельзя написать: “Встречаемся в 4. Ваниль, Ок?” – злился Артем. – Почему надо обязательно отвлечься, взять телефон, набрать номер, приложить к уху, дожидаться ответа, поздороваться, спросить “Как дела?” Зачем засорять эфир звуками типа “Ну что, встречаемся сегодня, как договаривались вчера? Где? В «Ванили»? Ну ладно, давай в «Ванили». Давай в 4. Ок! Если что, я наберу, мало ли, вдруг припозднюсь. И ты набери, если что, мало ли... Пока”? Вот зачем тратить столько времени на пустой разговор, когда 4 слова в СМС, написанные за 4 секунды, вполне могут его заменить?»

Вот и в этот раз, плюхнувшись на заднее сиденье своего авто, он письменно ответил на важные сообщения по работе и автоматически открыл «Фейсбук». Увидел в ленте новостей заголовок «Мантра или молитва, что круче?», заинтересовался, поскреб пальцами по экрану, увеличивая текст. Тот сопровождался фотографией буддийского монаха и православного священника, под снимком расположился целый патронташ комментариев, в которых виртуальные друзья упражнялись в эпистолярном жанре, делясь своими знаниями в области религии, колдовства, употребления ругательств и просто ссылками на какие-то внешние источники информации.

Артем бегло просмотрел комментарии; его внимание привлек один – на редкость большой:

«Мантра и молитва – это одно и то же. Важно, кто применяет и где. Это ведь орудие осуществления психического акта, а не набор звуков. Поэтому важно, от кого ты получил этот заряд, умеешь ли его сохранить и можешь ли ты быть источником его передачи. Равно как с книгой, абсолютный балбес может прочесть труд профессора и не сделает никаких открытий, профессор может прочесть труд балбеса и вряд ли станет академиком, но если профессор силой своего слова внушит его значение балбесу, то балбес может переродиться. Как и профессор, слушая балбеса, сможет понять ту мысль, которую тот хочет донести до него, хотя балбес даже слов подобрать не умеет».

«Еще один любитель поболтать и послушать? – подумал Артем. – Хотя... он отчасти прав, устное восприятие гораздо сильнее письменного. Толпа не сходила с ума от прочтения статей Гитлера, власть над ней имела его речь».

Артем, неплохо знавший военную историю XX века, помнил, что присутствующие во время выступлений лидера нацистов иностранцы, даже прекрасно знавшие немецкий, не проникались тем чувством, которое превращало обычных немецких бюргеров в фанатов. Гитлер умел говорить так, что целая нация сошла с ума за считанные месяцы. Конечно, он говорил то, что они хотели услышать, но таких говорунов в то время хватало. «Волшебная сила слова... – мысленно растягивая слова, подумал Артем. – Слово... Слово – набор звуков, маленькая мантра, как ни крути... Одно слово может сказать многое, в зависимости от интонации...»

Артем улыбнулся и, обращаясь к своему водителю, серьезному тяжеловесу, выполнявшему одновременно функции телохранителя и свободных ушей, спросил:

– Жень, ты смотрел фильм «Красный монарх»?

Евгений нахмурил на шефа лоб через зеркало заднего вида в недоумении или сияясь припомнить.

– Ну, помнишь, в 90-е на видео ходил такой фильм? – попытался разглядить Артем наморщенный лоб Жени. – Там американцы высмеивали Сталина и Мао Цзедуна во время их вымышленной встречи. Мао на любой вопрос отвечал одним и тем же словом «цзяо», а его переводчик переводил на русский длинные предложения, в зависимости от протяжности звука – «ця-я-я-я-о-о-о-о» «Товарищ Мао сказал: “Когда Солнце и Луна встречаются на небосводе...”, да так долго переводил, что Сталин начинал зевать.

Морщины в зеркале стали глубже.

– Ай, ладно, не важно, – Артем глянул в боковое окно и задумался. – *In principio erat Verbum et Verbum erat apud Deum et Deus erat Verbum*, – вспомнил Каховский. – В начале было

Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Первая строка Евангелия от Иоанна... Если разобраться, то... Как там в Гражданском кодексе сказано? «При толковании договора суд принимает во внимание буквально значение содержащихся в нем слов и выражений». Буквально... Итак, если буквально принять во внимание значение первой строки Евангелия, то что выходит? «В начале было Слово». В начале... Видимо, в самом начале, когда еще ничего не было? То есть ни света, ни тьмы, ни еще чего.

Он вдруг вспомнил, как в юности спорил с одним отъявленным атеистом по поводу правдивости священных книг. Атеист говорил, что книги эти написаны были во времена, когда народ был темен, и служили лишь для того, чтобы подчинять себе людей. Артем тогда не возражал особо, соглашаясь, но все-таки один козырный аргумент у него был.

Он говорил с победным тоном:

– И все-таки, если хоть одно слово правды о сотворении мира есть в Библии или Евангелии, то однозначно это слово было сказано ближе к самому моменту сотворения мира, чем в то время, в котором мы сейчас произносим слова, а значит, то слово вернее нашего.

Артем нажал на кнопку открытия интернет-браузера на своем смартфоне и быстро нашел текст Евангелия от Иоанна.

«3 Все сущее Бог создал Словом, и без Него, и вне Его, ничто из сущего не существует».

Адвокат продолжил размышления:

«Что такое слово, говоря современным языком... Единица языка. То есть первичная информация. Информация... Значит, «в начале всего» была информация, некий байт информации, который и был тем, что создало все! Нолик... Или единичка... Двоичный код, которым пишется любая компьютерная программа. Любое, самое детально прорисованное существо в компьютерной игре о цивилизации – это набор единичек и ноликов. И облака, и небо, и горы – все это – нолик, нолик, единичка, нолик... Информация. Я – программист, например. Я пишу программы, компьютерные игры. Нолики и единички, из них получаются компьютерные люди. Я знаю, что они, эти люди – набор ноликов и единичек «по моему образу и подобию». Но они этого не знают. Они знают, что их кто-то создал – я могу им подсказать, что это был я «по моему образу и подобию», они могут верить в это или нет, но все равно в начале их жизни был не я, а нолик-нолик-единичка-нолик, то есть Слово.

– И Слово было у меня, и я был Словом! – с довольным выражением лица вслух произнес адвокат.

Машина подъехала к офису и остановилась.

Глава 4

– Слово, слово, слово... – повторял Каховский, поднимаясь по лестнице особняка в центре Москвы, где на втором этаже находился его офис. После посещения изолятора с его специфическим духом ноздри приятно щекотали ароматы пролетающих мимо женских духов, державших невидимыми нитями своих хозяек, и терпкий запах кофе, рвущийся на свободу из-за каждой двери.

Рыженькая бойкая секретарша, по должности помощник адвоката, Валя, увидев шефа, улыбнулась и сказала:

– А вас ожидают в переговорной. Здравствуйте, Артем Валерьевич.

– Кто? – спросил Каховский, пытаясь вспомнить, кому он назначил встречу в это время.

– Виктор Михайлович, профессор ваш. Полчаса ждет уже, – отрапортовала Валя.

– Спасибо, Тина, – улыбнулся Артем, учитывая, что Вале нравится, когда ее называют Тина.

Несмотря на то что все в офисе коллегии адвокатов знали об этой симпатии Валентины ко второй части ее имени, все-таки настойчиво звали ее Валя. Никто не делал этого со зла, просто почему-то так было принято в коллективе. Возможно, потому, что сам Артем Валерьевич, когда сердился на Тину за какой-нибудь промах на работе, называл ее Валя, причем делал это с акцентом именно на имя, вставляя его как можно чаще в свои воспитательные инвективы:

– Ты, Валя, просто невнимательна, понимаешь? Не в том смысле, что невнимательна вообще, Валя... А в том, что в данном конкретном случае ты проявила особую невнимательность, то есть отсутствие внимания к важной детали, а нам, Валя, адвокатам, платят за внимательное отношение к деталям. А раз ты, Валя, помощник адвоката, ибо именно так называется твоя должность, а не секретарша какая-нибудь, то внимание к деталям – это твоя прямая обязанность, понимаешь, Валя?

Каховский говорил это с каким-то спокойствием, вроде как нехотя, отчего Тина очень страдала из-за угрызений совести и иногда удалялась после таких высказываний в ее, Валин, адрес, всплакнуть на офисную кухню.

Сегодня она была Тиной, о приходе профессора В. М. Красевича забыла не она, а адвокат, поэтому Тина с особым удовольствием протянула:

– Виктор Михайлович выпил уже чаю, дважды. Может, вам тоже чай? Или кофе?

– Давай чай. Зеленый. И пригласи ко мне в кабинет профессора, не хочу я в переговорной.

Каховский любил свой кабинет, он крайне редко проводил встречи в переговорной комнате, разве что когда народу было много или документы требовали разложения на огромном столе. Тем более общаться со своим бывшим университетским преподавателем и научным руководителем при подготовке диссертации, он считал, в комнате для переговоров было бы не по-семейному.

Виктор Михайлович был заслуженным деятелем науки, известным ученым-криминологом с мировым (насколько можно было считать российскую юридическую науку частью мировой) именем. Он вошел в кабинет своего ученика, дребезжа чашкой недопитого чая о блюде, неся их из переговорной, несмотря на настойчивые просьбы Тины сделать это за него.

– Здравствуйте, Артем Валерьевич, – профессор пожал Каховскому руку, ставя чайный прибор на приставной столик у рабочего стола адвоката. Из правой руки профессора произрастал подержанный традиционный преподавательский портфель, который он перед рукопожатием определил себе под ноги.

– Рад вас видеть, Виктор Михайлович, – приветствовал Каховский своего учителя. – Я, наверное, забыл, извините, не записал в своем ежедневнике время нашей встречи, еду себе такой, весь в мыслях из СИЗО, да и не помню, что вы меня тут ждете. А Валя...

Адвокат взглянул на стоящую в дверях помощницу-секретаря.

– Валя забыла мне прислать СМС или позвонить, чтобы сообщить, что вы ждете.

Бывшая минуту назад Тиной, Валя надула губы и вышла в сторону кухни поплакать над завариванием чая.

– Ну, не ругайте Рыжика, Артем Валерьевич, это я ее заговорил. Она меня развлекала, а я умничал. Люблю я это занятие, знаете ли...

Профессор снял очки, достал из оттянутого бокового кармана пиджака платок и долго протирал стекла, периодически всматриваясь в их чистоту, как в прицел снайперской винтовки, сощурился одним глазом.

– Тем более что мы не договаривались с вами. Я просто был рядом, читал лекцию для студентов тут в одном вузе, халтурка, знаете ли... Правда, сейчас уж и не знаю, халтурка или пахота. Раньше придешь к ним, бывало, лекцию читать с какой-нибудь темой отвлеченного названия, анекдотик расскажешь, случай какой из практики, ну так, отдохнешь душой. Им-то до лампочки эти лекции, они ж внепрограммные... Так, приманка для студентов, мол, светило ученое к вам, вуз-то коммерческий... А сегодня прихожу, мне говорят, лекция в большом зале. Я и напрягся... Думаю, чего там в большом зале делать с этой группой. Обычно там человек двадцать, ну от силы тридцать... Захожу... батюшки! Там человек двести, и на видео снимают две камеры по углам. Анекдотами не отделался, в общем, – закончил рассказ Красевич, водрузив очки на положенное им на носу место.

– То есть вы пришли просто чаю с печеньем выпить и с Рыжиком поболтать, – засмеялся Каховский.

– Точно так-с, – прибавив колоритное «с», улыбнулся в ответ профессор.

– Ну, раз уж пришли, может, поделитесь со мной своими мыслями вот на какую тему, – Каховский пересказал свои недавние умозаключения по поводу силы слова, мантры и происхождения человечества.

– Я что думаю, – продолжил Артем, – ведь если основа всего – Слово, следовательно, среди обилия слов должно быть *ключевое слово*? Ну, как бы ввод всего потока информации? Ну, как программист, написав эти нолики и единички, он же нажимает на кнопку... Или даже нет, скорее, компьютерные герои в игре, они ведь ничего делать не будут, пока не будет произнесено ключевое слово или подан знак, чтобы программа начала включать уровень развития игры. Ходишь, допустим, по лабиринту, на кирпичики жмешь, как в игре-бродилке. Найдешь нужный, выйдешь. Или вот фильм был американский... как он... С Джадом Лоу. «Экзистенция»! Там был момент, когда Джад попал в компьютерную реальность, разговаривал с героями игры, и один из них завис, не реагировал на фразы, потому что Лоу, точнее его герой, никак не мог понять, что говорить. А когда понял, его собеседник все равно продолжал тупить. Оказывается, надо было обратиться к нему по имени, чтоб он понял, что обращаются именно к нему.

– Так... Интересно, конечно, но я-то чем могу быть вам полезен! Я не философ и не теолог, у меня другая сфера: криминология, уголовный процесс, – профессор с недоумением глядел на ученика.

– Тут вот такая штука, Виктор Михайлович, – Каховский пытался подобрать слова для описания пока еще не окрепшей мысли. – Вы не сторонник суда присяжных, насколько я помню.

– Это верно, – с какой-то особой гордостью прозвучал ответ Красевича.

– Да. Я помню... Но я вот, знаете ли, считаю суд присяжных спасательным кругом для нашей судебной системы.

Профессор кивнул головой в знак уважения к противоположному мнению и слегка пожал плечами. Каховский понял: пока придется поговорить о том, о чем уже спорили с профессором не раз. Тем не менее он был рад такой возможности, так как мысль еще не окрепла и адвокат надеялся в процессе дискуссии ее сформулировать яснее.

– Да, я против суда присяжных, – делая глоток остывающего чая, произнес Красевич, делая длинное ударение на звук [о] в слове «про-о-о-о-тив». – И вы прекрасно знаете почему! Просто вы, Артем, – адвокат, и вам проще с судом присяжных. Простых людей легче запутать!

– Но в суде две стороны, Виктор Михайлович! Там же и прокурор есть! Получается, ему тоже легче запутать простых людей? – парировал адвокат.

– Да, прокуроры... Ну, вы же знаете... Немного среди них великих ораторов, – поежился Красевич. Он не любил обсуждения прокурорских качеств, поэтому спор о суде присяжных начал именно с этого невыгодного для себя аргумента, чтобы побыстрее о нем забыть.

– И кто мешает прокурору из ненужного аксессуара превратиться в искусного оратора? – насмешливо спросил Каховский. – Извините, Виктор Михайлович, я помню, вы работали в прокуратуре, к вам это не относится.

– Ах, бросьте, коллега, в мои времена обвинители были ого-го!!! А до меня – вообще монстры! Анатолий Кони, например. Но дело не в таланте, просто прокурор приводит факты. Он не имеет права путать присяжных.

– Так и адвокат же не анекдоты рассказывает, – возбужденно заметил Артем. – И я, и обвинение – мы все излагаем факты! И мы же даем им оценку. Просто с оценкой фактов и выводами мы, адвокаты, справляемся лучше!

– Присяжные настроены против обвинения изначально. Природа человека такова, – профессор поднял указательный палец вверх. – Во всяком случае нашего человека. Всепрощение! Христианские ценности!

– Смотря по какому делу! Но все равно, что такое присяжные? Это ведь общественная совесть. Не мнение, а именно совесть. Ведь так, кажется?

– Непрофессиональная и легко принимающая все на веру! – начал закипать Красевич. – Профессиональный судья – тоже выразитель общественной совести, он же не с Марса прилетел?! Он тут живет, в обществе!

– Правильно! Только он выразитель общественно-профессиональной совести. У него уголовных дел – каждый год по телеге. Он разбирается лучше в «юризмах», он видел, уж пере-видел всякого, решал судьбу человека неоднократно, он спокоен, как хирург, режущий аппендицит в сотый раз. А присяжный... Для него это по-другому. Это не он режет аппендицит, а ему делают операцию, причем на сердце! Он ведь пропускает все – факты, их оценку, эмоции – через свою душу, свою совесть, а не сквозь свой профессиональный опыт и холодный юридический ум. Это его могут зарезать на операционном столе, если скальпель соскользнет...

– Красиво я вас говорить научил, это радует, очень образно говорите, – улыбнулся профессор. – Только лично я не доверил бы свою судьбу присяжным, если что... Да и вы, наверное, тоже.

– Я бы доверил... – после короткой паузы сказал Артем. – Не стоит считать простых людей неспособными разобраться в деле. Им доверено выбирать президента страны, депутатов. Как говорят: «Выбери свое будущее!» И если будущее целой страны можно доверить каждому, то уж одно-то маленькое будущее одного человека страна может доверить двенадцати гражданам?!

– Лозунг! Вы и перед присяжными лозунгами сыплете и штампами? – засмеялся Красевич.

– Ну, иногда да... Штамп ведь – это что? Победившая метафора! А метафора – это очень полезный речевой прием, присяжные любят красивые метафоры, даже если они им знакомы. Кстати, вот я о чем как раз спросить хотел. Про Слово... Все никак не мог сформулировать...

– Нет, извините... – перебил Красевич адвоката. – Все-таки ответьте мне еще на один вопрос. Неужели вы думаете, что присяжные могут вынести справедливый вердикт, если они испытывают симпатию к преступнику? Ну ведь очевидно, что личность преступника, его внешность, поведение окажут влияние на психику присяжных и, как следствие, – на их решение. Вот Робин Гуда бы оправдали присяжные... Или ладно, – заметив усмешку собеседника, профессор решил привести другой пример. – Возьмем Россию-матушку. Сонька Золотая Ручка! Ну разве не вызывала она симпатию?

– Которая из них? – спросил адвокат. – Их вроде было несколько, это, так сказать, собирательный образ.

– Я про ту, которую считаю первой и уникальнейшей. Вот послушайте историю. В мае 1883 года молодая очаровательная светская дама пришла в дом известного одесского психиатра. Врач был популярен в городе и имел немалые доходы. У него был собственный двухэтажный особняк, в котором велся прием, и там же располагались клиника и умирительные комнаты. Встретившись с психиатром, молодая особа поведала ему о постигшем их семью горе. Дело в том, что ее муж, который, по ее словам, всю жизнь занимался торговлей каменным углем, с недавних пор возомнил себя ювелиром и стал постоянно требовать ото всех, с кем он встречался, деньги за якобы проданные какие-то драгоценности.

Психиатр заявил, что случай тяжелый, но безнадёжный, и попросил привести мужа к себе на прием, оценив свою работу в 300 рублей. Дама в ответ разрыдалась и, рассыпаясь в благодарностях, ответила, что сумма не имеет для нее решительно никакого значения, лишь бы супруг поправился, поскольку она его горячо любит. Более того, она тут же достала 500 рублей, но поставила условие, что ее муж во время лечения ни в чем не будет испытывать недостатка, а еще лучше, если на период лечения он будет находиться в клинике психиатра, потому что ей тяжело ежедневно наблюдать за его страданиями. Психиатр по достоинству оценил заботу любящей жены и обещал сделать все от него зависящее.

В тот же день, спустя полчаса, та же молодая дама появилась в магазине ювелира Карла фон Меля, что находился на углу Ланжероновской и Ришельевской улиц. Вела она себя раскованно и непринужденно, перемежая правильную русскую речь французскими и немецкими фразеологическими оборотами. Карл фон Мель решил лично обслужить понравившуюся ему клиентку.

Принимая знаки внимания как должное, светская особа небрежно заметила, что ее муж получил в наследство пять тысяч десятин земли и она по его совету решила превратить часть свалившихся на них невесть откуда денег в драгоценности. При этом она сослалась на неких господ, которые с самой лучшей стороны отрекомендовали ей именно магазин Карла фон Меля. Богатая клиентка долго выбирала себе драгоценности, хозяин был рядом с ней и предлагал самое лучшее и самое дорогое. Он был рад дорогой, в прямом и переносном смысле, гостье и надеялся заполучить ее в постоянные клиентки. В конце концов выбор был сделан к обоюдному согласию сторон.

Неожиданно потенциальная покупательница заявила, что забыла деньги дома. Она попросила ювелира послать кого-нибудь из приказчиков с драгоценностями к ней домой и тут же предложила самому Карлу фон Мелю проехать вместе с ней на ее личном экипаже и отобедать у них дома вместе с ее мужем. Ювелир без колебаний согласился, и они отправились домой, но не к вымышленному мужу, а к психиатру. В руках у ювелира была шкатулка с выбранными милой клиенткой драгоценностями. Общая сумма покупки составила 30 тысяч рублей. По тем временам сумма огромная.

Чтобы это было понятно, средняя заработная плата рабочего того времени составляла 1 рубль 20 копеек в день или примерно 30 рублей в месяц. Много это или мало? Килограмм белого хлеба стоил 12 копеек, килограмм картофеля – 2 копейки, литр молока – 8 копеек и

т. д. Да что там, дешевые квартиры стоили от 3 до 4 рублей в месяц. Так что сами понимаете, что такое три десятка тыщ!

Так вот, молодая дама, оставив ювелира в гостевой под предлогом, что ей необходимо предупредить мужа о неожиданном госте и показать ему великолепные драгоценности, первая прошла к доктору и еще раз напомнила ему о симптомах болезни мужа и о своем решительном намерении не скупиться на средства для его лечения, после чего удалилась в противоположную специальную комнату для лиц, ожидавших окончания приема у психиатра. Это делалось для того, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств не встречаться с пациентами доктора.

Затем был приглашен ювелир. Надо сказать, что в то время чаще всего врач вел прием в обычном костюме, а не в белом медицинском халате. Поэтому ювелир ничего не мог заподозрить.

Разговор между двумя мужчинами состоялся примерно следующего содержания.

– Вам понравились бриллианты? – спросил ювелир.

– Да, – ответил доктор и в свою очередь задал неожиданный вопрос: – А у вас голова не болит?

– Нет, – удивился ювелир.

– Скажите, – продолжил доктор, – вы ведь продаете уголь?

– Какой уголь? – начал раздражаться ювелир. – Я продаю драгоценности.

– Хорошо-хорошо. Вы не против, если мы сделаем вам ванну, а после покормим вас и поговорим с вами?

– Какую ванну? Я приехал, чтобы получить деньги за бриллианты.

– Хорошо-хорошо. Мне кажется, вас обременяют некоторые расстройства.

– Вы что, считаете меня сумасшедшим?! – окончательно вышел из себя ювелир.

– Разумеется, нет.

Спор закончился тем, что ювелир стал ругаться, смутно догадываясь, что его самым наглým образом обманули, но еще не понимая, как именно, начал прыгать по комнате, стараясь схватить психиатра за волосы. Доктор вызвал двух дюжих санитаров, они связали ювелира и отправили в холодный душ.

Разумеется, через некоторое время странное недоразумение благополучно разрешилось, однако ни у кого из участников особой радости это не вызвало.

Дело в том, что к тому времени ложная супруга и несостоявшаяся постоянная клиентка дорогого ювелирного магазина давно уже покинула дом психиатра и уехала вместе с драгоценностями, которые она, как говорилось выше, предварительно забрала у ювелира для того, чтобы, по ее словам, похвастаться перед мужем, роль которого, сам того не зная, блестяще сыграл известный психиатр.

Вот как раз этой очаровательной посетительницей психиатра и несостоявшейся клиенткой ювелира и была знаменитая аферистка и мошенница конца XIX века Софья Блювштейн, более известная как Сонька Золотая Ручка.

Несмотря на отсутствие на тот период времени радиовещания и тем более телевизионных программ, светская публика отчаянно веселилась, читая газетные публикации в рубрике «Криминальная хроника» о похождениях Золотой Ручки, насмехаясь над простаками, которых удалось обмануть воровке. Как вы думаете, такой изобретательной особой ведь нельзя не восхищаться простому человеку, а если она еще и красива, ну, или, как сейчас бы сказали о Соньке, – *сексуальна*, то оправдательный приговор присяжных ей был бы гарантирован, даже если бы она убила кого-нибудь...

– Насчет убийства я с вами не соглашусь, Виктор Михайлович... Одурачивать богатых старичков – это одно, а пробитые головы или обожженные глотки – это другое. Присяжным такое не нравится.

– Обожженные глотки? Это вы о чем, коллега? – заинтересованно спросил Красевич.

Глава 5

– «Руководствуясь мотивом личной неприязни к своему супругу, гражданину Вульфу Федору Ивановичу, обвиняемая Вульф Елизавета Петровна вступила в преступный сговор со своим сожителем, Игнатьевым Валерием Павловичем, распределив роли в планируемом преступлении следующим образом: Игнатьев В. П. должен был выступить непосредственным исполнителем преступления, а Вульф Е. П. – заказчиком и пособником. Реализуя преступный умысел на убийство, действуя по заранее согласованному плану, следуя своей роли в планируемом преступлении, Вульф Е. П. приискала в не установленное следствием время в не установленном следствием месте отравляющее вещество – азотную кислоту в объеме, достаточном для причинения смерти...»

– А почему именно азотную кислоту? – прервал Красевич адвоката, читавшего вслух обвинительное заключение. – Это ж вещество относится к третьему классу опасности. Хотя бы серную тогда уж. Та покрепче-то будет... Второй класс...

Каховский остановился и отодвинул в сторону планшетный компьютер, с экрана которого читал сухие строки обвинения.

– Вы думаете, это важно? – задумчиво спросил он. – Азотная кислота входит в состав «царской водки», а та растворяет все. Ну, или почти все.

– Ну, в составе – да. Но смешанная со слюной, при ее обилии, слюны в смысле, азотная кислота может и не быть столь опасной. Ведь, как я понял, Игнатьев дал выпить кислоту этому несчастному рогоносцу?

– Скорее, влил в рот, когда тот уже изрядно набрался, – пояснил адвокат. – Они сидели в ресторане, Игнатьев подливал, Вульф пил и на-кидался быстро, много-то алкашу не надо, тем более на старые дрожжи... Вывел Игнатьев его на улицу вроде как освежиться и до дома довести, свернули в парк, там ничего не соображавшему Вульфу он предложил еще выпить, только вместо бутылки подсунул склянку с кислотой и помог в рот опрокинуть. Тот хлебнул прилично... Но только ожог получил, жив-здоров... Говорят, даже со спиртным завязал после того случая. Так что, может, даже на пользу...

– Ну вот! – забарабанил пальцами по столу профессор. – Может, она его лечила таким нетрадиционным способом! Зашивают же ампулы алкашам в задницы, кодирование вредоносное применяют. А тут вот так-с, радикально-с...

Красевич рассмеялся своей шутке и, вероятно, удачным интонациям конца XIX века в современной речи.

– Это я вам подсказочку-с к вашему выступлению перед присяжными... Вы ведь, дорогой коллега, к присяжным готовитесь? Будете взывать к общественной совести? Ну, вот вам и идея. Вы с вашим красноречием и образностью мышления сможете убедить коллегия, что ваша клиентка мужа спасти хотела от алкоголизма, так что ей и ее другу никак не место в колонии, им Нобелевскую премию в области медицины выписать нужно...

Красевич засмеялся еще громче. Адвокат улыбнулся в ответ:

– Премию вряд ли. Но за идею спасибо. Я подумаю, как ее применить. Что-то в этом есть. Но я вот что хотел спросить... В смысле поразмышлять...

Профессор взглянул на часы. Это не осталось незамеченным, и Каховский поспешил все-таки озвучить свою мысль, пока Красевич не сбежал на очередную лекцию.

– Виктор Михайлович, вы просто подумайте на досуге, как время будет, над этим. Это так... Тоже идея, только не из области юриспруденции. Что если... Что если существует ключевое слово в каждой речи или ключевая фраза, которую, если сказать, то будешь услышанным, даже если несешь полную чушь? А если нет – то, как бы ты ни был красноречив,

какие бы аргументы ни приводил, тебя не услышат и не поймут. Как молитва или мантра. Один скажет вроде те же самые слова – и ничего, а другой скажет – и люди исцеляются?

Профессор взглянул на ученика с любопытством. В возрасте чуть после пятидесяти лет, достигнув вершины карьеры ученого в области юриспруденции, Красевич увлекся немецкой философией и стал пописывать статьи, развивая и критикуя учение Иммануила Канта. Как любой творческий человек в этом, еще юном для ученого, возрасте, Красевич двинулся в сторону получения еще одной ученой степени и звания, теперь уже в области философии. Кант вообще считается для философов неким утешением, так как самые значимые свои труды он опубликовал после 57, поэтому Красевич к этому возрасту тоже собирался вывести законы и формулы, которыми человеческое общество будет руководствоваться еще долгие века.

– Это вы на учение Канта намекаете? – хитро прищурился, спросил он.

– Ну а разве не он автор аргумента о том, что «утверждения нами принимаются из-за логической неизбежности, а потому, что они служат необходимыми предпосылками к разумному рассуждению»? – процитировал Каховский Канта, понимая, что Красевич после этих слов может опоздать на лекцию.

– Так! – удовлетворенно произнес профессор. – А конкретнее?

– Конкретнее? Извольте! – проговорил Каховский. – Я ни в коем случае не хочу вас сейчас задерживать, тема-то очень масштабная. Просто кто как не вы сможет мне помочь? Я что хочу сказать? Моя мысль о ключевой фразе может в большей степени показаться относящейся к сфере мистики или даже колдовства, но, мне кажется, здесь работает какой-то общий закон. Как в молитве, мантре или колдовском заговоре. Или как у Канта...

Адвокат чуть было не сказал «у вашего Канта», но вовремя осекся.

– То есть его ключевая мысль в чем? – он продолжал. – Человек должен поступать не так, как гласит писанный закон, это само собой, а так, будто его поступки – это всеобщий закон и есть. Только так и не иначе! Если все будут поступать так, то все будут счастливы и сольются с природой.

– Но этого нельзя допустить, пока все преступники не отбудут наказание до конца, – подхватил профессор любимую тему. – Если цель права и наказания в том, чтобы добиться порядка и тем максимизировать благополучие в обществе, а с обществом предстоит покончить, то наказание не служит никакой цели!

– Виктор Михайлович! – замахал Каховский руками. – Вы правы, и в вас сейчас говорит криминолог и философ. Но я не об этом.

Красевич насупился, как будто обидевшись, что его так бесцеремонно перебили.

– Я о том, – продолжал адвокат, – что раз существуют всеобщие законы для любого действия, или во всяком случае мы должны действовать так, как будто существует этот всеобщий закон, значит, если взять более узко, я могу и должен говорить присяжным только то, что предписано этим всеобщим законом. Или, точнее, не забыть сказать именно это, иначе они не услышат. Они же – общественная совесть, как я уже выразился, а значит...

– Вам надо поработать над понятийным аппаратом, – настала очередь Красевича перебить Каховского. – И над вашей мыслью еще придется потрудиться. Не совсем понимаю. Вы хотите найти какую-то формулу, чтобы, выступая перед присяжными, обязательно добавить ингредиент, который превратит вашу речь из потока слов и аргументов в решение присяжных в вашу пользу? – спросил профессор.

– Ну, почти. Скажем, *ключевую фразу*, которая откроет дверь в их сознание, точнее ту часть сознания, которая отвечает за отдел общественной совести. Чтob уж наверняка... – адвокат задумался на секунду. – Ведь я вот вам говорил, что наша личность, да и вообще все вокруг – это «нолик-нолик-единичка-нолик»? Знаете, что такое ключевая фраза в современном информационном пространстве? В сфере компьютеров, с которыми вы на «Вы»?

Профессор пожал плечами.

– Ключевая фраза – от английского keywords, это слово или словосочетание в тексте веб-страницы, которое используется поисковой машиной при формировании списка выдачи, – поделился Каховский знаниями из области, где он был на уровень выше собеседника. – Зачастую люди путают это определение с термином «поисковый запрос», но у этих двух понятий существует значительное различие. Поисковый запрос – это одно или несколько слов, которые пользователи вводят в строку поиска, а ключевая фраза представляет собой слово или словосочетание, под которое оптимизируется конкретная веб-страница. Поэтому при оптимизации ключевые фразы стараются подбирать таким образом, чтобы они соответствовали поисковым запросам пользователей.

– Вы не очень обидитесь, если я скажу, что почти ничего не понял? – усмехнулось светило юридической мысли.

– Для чего нужны ключевые фразы? – будто не расслышав, продолжал адвокат. – Ключевые фразы используются поисковыми системами для того, чтобы найти и выделить из большого многообразия материалов на различных сайтах наиболее подходящие пользователю статьи или описания, то есть информацию, максимально соответствующую его запросу.

– Я только не пойму, вы – поисковая машина? Или вы пользователь? Или вы создатель страницы? Я запутался, – профессор искренне не понимал.

– Да, вы правы. Надо поработать над мыслью. И над понятийным аппаратом, – адвокат встал почти одновременно с профессором. – Но суть вы уловили. Неважно, кто я – пользователь или создатель страницы. Я хочу иметь универсальный ключ в речи перед присяжными, чтобы открыть их сознание. Я думаю, он должен существовать. Просто надо его найти.

– Я обещаю поразмышлять над этим, – пообещал Красевич, прощаясь. – Может, и есть ключ. «Еще 282 ведра – и ключик в кармане!» – процитировал профессор старый детский фильм про Буратино.

Глава 6

Сотрудник Росгидромета с лицом маньяка и клоунским галстуком-бабочкой сообщил из телевизора, что «ветер пустыни добрался до Москвы впервые за всю историю наблюдений».

Артем, вполуха общаясь с телеведущим под фон включенного телевизора, пытался упаковывать потные мысли в буквы ходатайства на экране монитора рабочего компьютера.

Мысли касались не Елизаветы Вульф-Мышкиной, а другого дела, которое адвокат вел параллельно. Артем взялся за него пару месяцев назад после звонка своего старого клиента, с которым успел подружиться.

– Привет, Артем, это Евгений! – так началась эта странная история. – Слушай, у меня есть один друг, зовут Рафаэль.

– Ого... Рафаэль! Итальянец? – спросил Артем, понимая, что, скорее всего, Рафаэль – татарин, как и многие знакомые Евгения, самого родом из Казани.

– Нет! – хихикнул Евгений. – Не тот, что станцы рисовал в Ватикане, точно... Короче, старик, ему помощь нужна, судят его по поводу одного колбасного завода... Ну он типа завод купил, точно не знаю, денег туда вкачал, а потом появились бывшие хозяева и требуют свою долю обратно. По беспределу, в общем, через «уголок». Ну, он тебе сам расскажет подробнее. Поезжай к нему, я тебе сейчас адрес продиктую... Или pošлю эсэмэской лучше.

– Жень, минуточку, – начал было Артем.

– Брат, я знаю, что ты не едешь к клиентам сам, за редким исключением, – перебил Евгений. – Это как раз исключение. Он под домашним арестом, так что сам к нему приезжай, ты ж адвокат, тебе можно.

К вечеру Артем уже был в квартире Рафаэля, расположенной в здании, по виду будто принадлежащем Священному синоду. Низкие потолки, крутые лестницы, столовая-трапезная с витражами в окнах, сквозь которые квартиру благословляли золоченые кресты и купола православного храма, – все говорило о том, что Рафаэль – батюшка, случайно попавший под домашний арест. Артем начал уж было думать, что с национальностью нового клиента ошибся, но, когда увидел плотного молодого человека, явно восточного происхождения, в модном костюме, понял, что Рафаэль просто *верующий благодетель*. То есть человек, добившийся многого в бизнесе, искренне верующий во Всевышнего, помогающий многим религиям в восстановлении храмов, но сам не видевший Бога, а потому сомневающийся в Его присутствии.

Рафаэль с ходу, без всякого вступления рассказал суть своей проблемы. Было видно, что Рафаэль – человек конкретный, волевой и высокоинтеллектуальный. Матерные выражения, коими изобиловала речь Рафаэля, употреблялись им к месту и, к удивлению Артема, не портили, а даже украшали «великий и могучий». Когда люди позволяют себе обсценную лексику, это режет слух. Особенно, если крепкие выражения используются просто для заполнения паузы или для связи слов в предложении. Здесь же казалось, что если бы Рафаэль не употребил конкретное слово в конкретном месте, то потерялся бы весь смысл им сказанного.

В общем, в некотором роде это был все-таки Рафаэль-художник, только художник слова. Кратко его словесное произведение, исполненное перед адвокатом, повествовало о том, что он купил у неких «братьев-акробатов» 50 % акций колбасного завода, вложил в производство свои и заемные деньги, работал день и ночь, «как папа Карло», построил новые здания, уговорил немцев на новое оборудование, и вот, как только надо было выпустить первую подмосковно-баварскую сосиску, «братья-акробаты» возвратились с требованием вернуть им их акции. Рафаэль их послал подальше, «а они не поняли и пошли к ментам».

– Я проспал момент, когда уже поздно было с ментами решать, теперь вот все по закону приходится. В суде, – Рафаэль грустно хмыкнул при словах «по закону» и «в суде».

Как и следовало ожидать от деятельной натуры, Рафаэль фактически сам себя защищал, давая указания нанятым адвокатам и платя им серьезные деньги, которые они с удовольствием осваивали, только воплощая рафаэлевы мысли.

Артему пришлось полчаса убеждать нового клиента, что к адвокату обращаются не для того, чтобы говорить ему, как и что делать, а наоборот – слушать и выполнять. То ли речь адвоката, изобилующая чудесами русской словесности не меньше рафаэлевой, повлияла, то ли необычно жаркий май, но Рафаэль обещал слушаться и не заниматься больше самолечением.

Через неделю состоялось первое судебное заседание с участием Артема. «Братья-акробаты», признанные потерпевшими, оказались не братьями, а отцом и сыном. На первом судебном заседании с участием нового рафаэлевского адвоката они сидели нога на ногу и отпускали едкие замечания. Но после нескольких дней судебного процесса, ярко раскрашенного прогрессирующей амнезией свидетелей, ранее изобличавших преступное поведение Рафаэля, потерпевшие вдруг стали осознавать, что колбасу спорного завода замаячил шанс покупать все-таки в магазине, а не пробовать в собственном копильном цеху. В появлении такой перспективы они (и небезосновательно) обвиняли нового адвоката.

Артем вымучил наконец очередную серию вопросов к свидетелям, вызванным в суд на утро, распечатал получившийся текст, сложил портфель и направился к выходу. В приемной его окликнула Тина:

– Артем Валерич, не забудьте, что заседание завтра в новом здании Троицкого суда, адрес я Жене сказала. И еще, звонил какой-то Николай, сказал, что у него есть для вас информация по делу Вульф. Очень важная. Просил встретиться, только на нейтральной территории. Оставил телефон, я вам скинула в Ватсап.

– Спасибо, Тина, – бросил Артем на ходу. – Сегодня я с ним вряд ли встречу.

* * *

Следующим утром по дороге в новый подмосковный храм правосудия Артем из любопытства дозвонился Николаю, но, как ни старался, по телефону так и не выяснил, что ему тот хотел рассказать такого уж важного по делу Лизы. Договорились созвониться еще. Николай был настолько таинственен, что предложил только центр и только людное место, где много разных заведений общепита, конкретное из которых Николай обещал обозначить эсэмэской непосредственно перед встречей.

Разговор с Николаем Артем прервал, подъехав к новому зданию Троицкого городского суда и обнаружив его непохожим на традиционное типовое здание, какие в последние годы наштамповали для этих заведений. Троицкий суд удивлял каменной известняковой кладкой у основания и башенками со шпилями по углам, этакая пародия на Диснейленд с его замком спящей красавицы. Проходя через рамку, Артем поинтересовался у неспящей красавицы-пристава, старательно изучавшей содержимое адвокатского портфеля:

– Какое-то веселое здание у вас, не похоже на суд.

– Раньше был ресторан. Конфисковали у коммерсанта. Проворовался жулик, – не поднимая глаз на адвоката, сухо ответила девушка в черной униформе.

Артем, идя по широким судебным коридорам, бывшим обеденным залам, отобранным у какого-то бизнесмена именем Российской Федерации, живо представлял себе ранее расставленные здесь столы с закусками, сочные пахучие хинкали, хватаемые за соски жирными пальцами гостей, чтобы впитаться в них губами, высасывая наваристый бульон внутренностей; слышал звон бокалов «за здоровье» и хруст разбитой «на счастье» посуды под ногами, пьяные крики «горько!» и шансон в исполнении дешевых музыкантов с талантливым прошлым – все это сегодня было заменено холодной кафельной плиткой, металлическими скамьями перед залами судебных заседаний, бумажными списками рассматриваемых дел на дверях с краткой инфор-

мацией о сломанных судьбах в виде номеров уголовных дел. Все это торжество правосудия было приправлено сдавленным шепотом ожидающих вызова людей и ароматом свежей хлорки из раскрытой двери уборной.

Продравшись сквозь турбулентность от столкновения атмосферных фронтов ресторанных призраков и реальной действительности, Артем вошел, наконец, в зал суда, где его уже ожидал Рафаэль со своей симпатичной помощницей-юристом и адвокатом Коленькой. Коленька был оставлен Рафаэлем из предыдущей команды адвокатов, так как он был толковый парень, быстро фиксировал на бумаге мысли подзащитного, правда, абсолютно не умел выступать в суде: заикался и никогда не отвечал на вопросы с ходу. Так как Рафаэль не был под стражей, а находился под домашним арестом, он много диктовал, и за ним приходилось обильно записывать, чем Коленька и занимался.

В этот день в тесный зал судебного заседания набилось много народу. Видимо, под эти залы были выделены подсобные помещения бывшего ресторана, ибо вся красота увеселительного заведения так и осталась в больших холлах, а ныне судебных коридорах, где кучковались стайки адвокатов и просто тяжущихся, удивляясь пространству. Из-за экономии средств перепланировку здания делать не стали, просто выделив для судебных кабинетов и залов заседаний подсобные и складские помещения. Судья, сорокапятилетняя дама с острым взглядом, восседавшая на месте председателя, казалось, была высечена из холодного мрамора. При взгляде на нее становилось прохладно, что в душном зале суда было не лишним. Секретарь суда, девушка с явными признаками беременности под блузкой, а оттого с взглядом, устремленным в бесконечность, добросовестно вела протокол на компьютере, несмотря на жару, вслушиваясь в удивительные для нее словосочетания: «уставный капитал», «голосующие акции», «кворум на собрании», «плавающий залог»...

Сегодня от противной Каховскому стороны был вызван свидетель – некий Аристарх Кристобальевич Гурский. Вышедший на трибунку невысокого роста человек произвел на адвоката странное неприятное впечатление. Артем видел его раньше. Точно, видел. Вот здесь же, в суде. Эти пронзительные и в то же время рыбы глаза. Несовместимая шутка природы – пустая пронзительность – смотрела на адвоката из зала суда в предыдущих заседаниях. Артему тогда подумалось, что это просто внимательный зритель, из тех граждан, что просто ходят в суды ради развлечения, посидеть и послушать, вроде как на реалити-шоу. Сейчас этот рыбчеловек держал в одной руке блестящий чемоданчик размером с книгу, другая рука была занята тростью с тяжелым набалдашником из светлого камня. Свидетель, хоть и вышел давать показания суду, смотрел только на адвоката, немного раскачивая свою трость-палочку из стороны в сторону.

Вдруг Артему стало невыносимо душно. На лбу выступила испарина, от затылка до пяток побежали мурашки. Так раньше случалось только пару раз, когда Артем в армейской юности бежал марш-бросок в противогазе, и уже в зрелом возрасте, когда переусердствовал в игре в теннис на солнцепеке.

«Перерыв, что ли, попросить», – подумал адвокат, но, взглянув на холодную статую судьи, постеснялся.

– Этот мужик – колдун! – раздался в ухо шепот Рафаэля. – Говорят, он своей палочкой на людей порчу наводит. Они мне еще год назад им грозились. Только мне до лампочки...

Каховский взглянул на Аристарха Гурского и снова почувствовал приступ удушья. Колдун по-прежнему неотрывно смотрел на адвоката.

Рыбы глаза. Глаза рыбки-убийцы, той, что водится в Амазонке. Как сквозь туман слышал адвокат вопросы судьи к свидетелю: «Ваши фамилия, имя, место работы... Пожалуйста, прокурор, допрашивайте своего свидетеля...»

Артему стало страшно. Состояние, похожее на предобморочное, духота, колдун...

«Колдун... Не надо на него смотреть... – Артем уткнулся в свои записи, стараясь не смотреть на свидетеля. – Не смотреть... Сейчас он уйдет... Даже вопросов не буду ему задавать... Толку от него...»

Вдруг Артем, совершенно неожиданно для себя самого, наклонясь почти под стол, осенил себя крестным знамением. Подобное Каховский делал не так часто, разве что в церкви, а просто так на людях такое действие он совершал только при взлете самолета, будучи пассажиром.

Перекрестившись, Артем, к своему удивлению, почувствовал явное облегчение. И где-то глубоко внутри зашевелился кто-то очень злой. Злость, колючими лапками цепляясь за ребра, начала подниматься на поверхность и, подступив к горлу, заставила адвоката поднять голову и взглянуть в глаза колдуну. Тот продолжал смотреть на Артема из-под очков в пластиковой оправе, но взгляд этот уже не внушал никакого страха.

«Как пиранья в аквариуме, – зло подумал Артем. – Палочка волшебная, да? Трах-тибидох и кривле-кривле?»

Адвокат Каховский расправил плечи, поворачивал головой, разминаясь, как боксер перед боем.

– Уважаемый, вы к суду обращаетесь, а не ко мне! – сурово произнес он, окончательно выйдя из оцепенения.

– Да, свидетель, обращайтесь к суду! – не менее сурово повторила судья.

Колдун повернулся к судебной трибуне, и Артем увидел, как сидевшая по левую руку судьи и стойко державшаяся секретарь вдруг моргнула и уронила голову на грудь. На судью взгляд колдуна не произвел никакого впечатления.

«Старая школа», – позавидовал Артем.

Колдун снова повернулся к адвокату. Но Артем уже ничего не чувствовал, кроме злости и какой-то странной победной радости.

– К суду обращайтесь! – в один голос почти крикнули свидетелю адвокат Каховский и мраморная Фемида.

– И не поворачивайтесь больше, – добавил адвокат. – И от трибуны не отходите! – со смехом бросил он, глядя, как колдун делает робкую попытку шагнуть куда-то в сторону. Тот находился в явном замешательстве.

– Вы кем были в рассматриваемый период времени, свидетель? – спросил адвокат.

– В какой период? – не понял Гурский.

– В тот, о котором идет речь в суде. С 2009 по 2012 год, – уточнил адвокат.

Колдун открыл свой блестящий чемоданчик. С места адвоката было видно, что внутри полно всяких чудных вещей – крестиков, амулетиков, каких-то четок, шнурков и веревочек, булавок и книжек. Свидетель извлек из чемоданчика альбом (такой, как для коллекций марок) и начал листать.

Страницы альбома были из красной бархатной бумаги, на которую были наклеены визитные карточки.

– Так, посмотрим... В 2009 году я был заместителем председателя правления банка «Свистас» и еще президентом Ассоциации исследователей паранормальных явлений... И еще вот генеральным директором фирмы «Таро», – начал перечислять колдун, освежая память взглядом на визитки.

Визитные карточки исполняли под пальцами свидетеля радужный танец детского калейдоскопа, когда разноцветные стеклышки смешиваются в фантастические картинки, увеличенные окуляром: белые с золотом, синие, зеленые, черные с люрексом и какие-то даже неприлично блестящие...

– Ваша честь, у защиты ходатайство приобщить этот альбом с визитками к материалам дела! – обратился Артем к судье.

Та напряглась, пытаясь понять, зачем адвокат заявляет такое странное ходатайство и спросила:

– Ну и зачем нам это нужно, господин адвокат?

– У нас несколько томов дела, ваша честь, все сплошь черно-белые ксерокопии документов, а тут такая красивая аппликация! – озорно щурясь, сказал Артем. – Это очень бы украсило дело!

Колдун, чуть нагнувшись, выпустил свою палочку из рук, прислонив ее к трибунке.

Судья никак не отреагировала на такое идиотское ходатайство адвоката, но дело было сделано – она, наконец, поняла, что свидетель этот ничего нового для установления истины не расскажет.

Понимая, что адвокат не успокоится и продолжит издеваться над процессом, судья спросила:

– Свидетель, вы можете что-то сказать суду *по делу*? Вы встречались с подсудимым в период с 2009 по 2012 год? Вы работали вместе? Что вы знаете про историю с собранием акционеров колбасного завода? – начала судья допрос с пристрастием.

– Я знаю, что он жулик. Он в 2008 году меня обманул, вот... – Гурский начал копаться в своем чемоданчике.

– Суд не интересуется, что он делал в 2008 году. По 2009 году вы что-нибудь можете сказать? – продолжала судья.

– Он и в 2009 году был жулик, он еще с 2008 года жулик, он вот меня тогда... Да где ж это? – продолжал перебирать амулеты и блокноты свидетель.

– Так, у суда больше нет вопросов, как и у прокурора, – сказала судья, мельком взглянув на государственного обвинителя, даму в синем мундире советника юстиции.

– У адвоката тоже нет!!! – утвердительно произнесла она за Каховского, бросив свирепый взгляд в его сторону.

– Нет-нет! До свидания, уважаемый! – язвительно сказал Артем. – Еще заходите!

Придя домой после процесса, Артем залез в ванну, что делал крайне редко, предпочитая контрастный душ. Смыв с себя дневной пот и усталость, он набрал номер телефона своего двоюродного дяди. Дядя Вова, как называл его Артем, был полковник медицинской службы, работал в военном госпитале и занимался экстрасенсорикой. И даже, говорят, чинил ауры нашим космонавтам. Дядя Вова раньше трудился над каким-то секретным проектом для армии, пытаясь научиться делать живую и мертвую воду, и даже как-то снялся в документальном фильме о свойствах воды. В немалой степени идея Артема о ключевой фразе была навеяна рассказами дяди Вовы о кластерах воды, в которые выстраиваются молекулы H₂O, становясь носителями разной информации.

Услышав бодрый голос дяди Вовы, Артем буквально выплеснул на него рассказ о сегодняшнем судебном казусе.

– Я тебе говорил – тебе надо заняться экстрасенсорикой, у тебя есть дар, – сказал дядя Вова. – Вот ты почувствовал воздействие. Он пытался влезть в твою программу. Если бы ты не почувствовал ничего, может, уже сейчас бы вообще конец тебе наступил. Они даже перепрограммировать могут человека. Ты очень правильно сделал, что перекрестился...

– Вот что крест животворящий делает! – попытался сострить Артем.

– Ну да... Но не в этом дело. Крест перекрывает канал биоэнергии. Любой крест, неважно, православный он или там еще какой. Твой колдун, понятно, что не колдун никакой, это биоэнергетик. Ты перекрестился крестом канал воздействия на себя. И почувствовал себя лучше. А потом сам стал давить на него. Тут твой колдун палочку-то и отложил...

– А палочка что, волшебная? – продолжал улыбаться в трубку Артем.

– Палочка не волшебная, – серьезно ответил дядя Вова. – Палочка – всего лишь антенна. Как в радиоприемнике-передатчике. Когда он передавал свое воздействие на тебя, шла пере-

дача биоэнергии, а антенна усиливала сигнал. Когда ты стал, хотя неосознанно, воздействовать на него, она работала на прием, усиливая твое воздействие. Вот он и свернул антенну от греха подальше. Вдруг ты тоже кое-что умеешь...

– Вот же, – сказал Артем, – может, правда, пойти учиться на мага-волшебника?

– Иди, иди, – наконец повеселел дядя Вова. – Только для начала сходи в церковь, закажи «за здоровье» и свечку поставь. А потом найди время ко мне заехать, проверим тебя. Мало ли, может, он успел тебе в ауру нагадить...

– Обещаю, – сказал Артем. – Завтра обязательно.

Глава 7

– Почему азотная кислота? – спросил Каховский сидящую напротив него Елизавету Вульф.

Обвиняемая в столь жестоком убийстве, хоть и не состоявшемся, меньше всего была похожа на человека, способного задумать и тем более реализовать зловещий план расправы над человеком, с которым ее связывал не просто штамп в паспорте. Этот человек, когда она осталась один на один с большим городом, не прося ничего взамен, предоставил ей заботу, которой она была лишена в детстве. А в детстве... Как пишется в книгах, Лиза не знала ни отца, ни матери. Точнее сказать, лучше бы не знала, ибо вроде вполне нормальный папа-офицер не оставил в ее жизни никакого следа, кроме самого факта ее рождения, ну а мать, как уже было сказано, – это та самая особа, которая клеила на холодильник записки с угрозами. Вырвавшись из ада своего детства, Лиза оказалась на воле с навыками швеи и поломойки. Большой город навалился на нее всей своей притягательно-отталкивающей мощью, которую только может позволить такой мегаполис, как Москва. Выйдя из вагона поезда, доvezшего ее в столицу, Лиза чувствовала себя, как, должно быть, чувствует себя впервые выведенная погулять на улицу без поводка маленькая собачонка. Миллионы незнакомых запахов, отовсюду раздающиеся пугающие звуки, гигантские существа, перемещающиеся вокруг крохотного животного, заставляют замереть на месте без всякой надежды остаться не раздавленным всем этим. Она удачно в первый же день приезда временно устроилась портнихой в ателье, где ей вместо оплаты работы разрешили спать в подсобном помещении на цокольном этаже без окон и постельного белья. И как такая вот карманная собачка, поднятая на руки хозяйкой и посаженная в теплую дамскую сумку, так должна была почувствовать себя Елизавета Мышкина (такая фамилия значилась у нее в паспорте), когда на нее обратил внимание столичный житель – Федор Вульф. Ничем не примечательный студент, проживавший отдельно от родителей-москвичей в небольшой квартире в престижном районе Кунцево, с первого взгляда увлекся Лизой. Она была, как говорится, в его вкусе, если можно говорить о сформировавшемся вкусе у рядового юноши, ничем не выделявшегося на фоне сверстников и оттого не имевшего успеха у девушек. Длинные сокурсницы с модным макияжем встречались с симпатичными парнями на дорогих машинах, так что Федор со своим проездным на метро и невзрачной внешностью мог привлечь разве что квартирой. Но на квартире верхом нельзя было лихо подкатить к зданию университета, а в ночном клубе не принимали вместо денег рассказ о наличии недвижимости в кунцевской хрущевке. Федор довольствовался тем, что в его жизни был опыт близкого общения с одной представительницей противоположного пола: это было еще в 11 классе, когда он год практически жил со своей одноклассницей, родители которой были вечно заняты разъездами по миру. Вероятно, это общение и сформировало его вкус – даже не к женщинам, а к ситуации, с ними связанной. Общение с дамами представлялось ему вполне комфортным времяпрепровождением. Всегда готовая прийти ему на помощь мама, занимавшаяся домашним хозяйством и готовящая вкусную и разнообразную еду, приучила его к регулярному и правильному питанию, не говоря уже о привычке спать на чистом белье и выбирать из шкафа свежую рубашку на каждый день. Его пассия, не обладая длинными ногами, тем не менее была очень мила, опрятна и всегда хорошо пахла, а у нее дома был образцовый порядок, наводимый приходящей уборщицей, и заполненный ею же холодильник с продуктами, приобретаемыми на родительские деньги. В общем, Федор жил вполне комфортно, ему не нужно было завоевывать принцесс, тем более капризных, которые не могли ему дать ничего, кроме проблем с их покорением и требованием заботы о них.

К моменту встречи с Лизой Вульф уже расстался со своей школьной любовью, которую родители отправили учиться за границу, и какое-то время жил с родителями, ни с кем не встречаясь, пока после поступления в университет не переехал в квартиру умершей бабушки.

Федору захотелось самостоятельной жизни, да и мамина забота не могла заменить женскую ласку, к которой он успел привыкнуть как к составной части своего распорядка дня. Мама продолжала его кормить, правда, к ней он не так часто ездил из-за учебы, поэтому в его привычном жизненном укладе чувствовался некий изъян.

Вульф повстречал Мышкину, когда сдавал в ателье напротив своего подъезда порванные джинсы. Круглое лицо девушки-портнихи с темными бусинками глаз, коротко стриженными волосами и ямочками на пухлых щеках сразу покорили его, и Федор, не особо колеблясь, предложил Лизе поход в кино на вечерний сеанс. Ну а дальше все было как-то совсем естественно, ему нужно было заполнить образовавшуюся брешь в состоянии привычного комфорта, а ей очень хотелось в *хозяйскую сумку*, как тому тойтерьеру, стоящему на дрожащих лапах на холодном вокзальном асфальте. Он ничего не просил и даже не намекал на близость в первую совместную ночь, просто сказав:

– Если хочешь, можешь жить у меня.

Эта фраза прозвучала для Елизаветы в тот момент ее жизни, в ту минуту, когда она без семьи, без надзора и совета, застыла на мгновение перед целой сетью разных дорог. Куда ей было идти? Что выбрать? Если бы ей в ту минуту кто-то взялся предсказывать судьбу, то, конечно, всего менее ей был бы предсказан законный брак.

Она не имела повода дорожить своей девственностью. У нее не было родителей, которых бы могла огорчить ее неосторожность. Если бы она была воплощенной похотью, как следовало ожидать, глядя на ее мать, она бы попала в разряд салонных женщин Тверской улицы – если бы повезло; или, если бы не повезло, то спальных районов Марьино или Южное Бутово. Ресторан, сауна, кафе, чужая постель, отдых в Турции, синяки под глазами, больница... Она не пошла на Тверскую. Если бы у нее была развита практическая жилка, она бы поняла, что нужно навести чистоту и продать себя задорого какому-нибудь «папику», зачать ребенка и в случае расставания обеспечить себе «алиментарное будущее». Она и так не планировала поступить. Она много читала. С детства. Запоем. И, видимо, впитав из книг главное, она инстинктивно искала то, чего у нее не было, – семью.

Поэтому она пошла с каким-то наивным доверием на ночь к первому попавшемуся студенту, который просто участливо сказал ей: если хочешь, можешь жить у меня.

Кто бы сказал тогда, что с этой первой ночи она останется верной этому первому встречному почти пять лет, и чем это закончится?

– Почему азотная кислота? – повторил вопрос адвокат, выждав двухминутную безответную паузу после первого вопроса.

Елизавета молчала.

– Ну, хорошо, – Артем огляделся по сторонам. Допросная комната женского СИЗО номер 6 была гораздо мрачнее подобного помещения «Матросской тишины». От серых стен веяло не просто холодом, а безнадежностью полярной зимы в разгар лета; зарешеченные окна не просто сдерживали свет свободы, а держали его на привязи, не давая даже осветить пыль, растворенную в тюремном воздухе. Да и сам воздух имел не специфический чесночно-табачный запах мужского изолятора, а зловоние провинциального абортария.

– У нас вчера священник был, – не отвечая на вопрос своего защитника, тихо произнесла Лиза. – Прямо в камеру приходил. Праздник же православный, он окроплял нас святой водой. А в камере при построении мы в один ряд не помещаемся, да и свободного места, чтобы укрыться от святой воды, – нет.

– Вы хотели спрятаться от святой воды? – с недоумением спросил Артем, вспомнив, что Вульф считалась верующей и даже венчалась в церкви со своим супругом, в покушении на убийство которого ее теперь обвиняли.

– Нет, не я. Девочка одна у нас. Сокамерница. Настя. Она политическая. Что-то там сделала против власти. Или собиралась сделать. А... Нет, не совсем против власти, а против церкви. Церковь строили вроде в чистом поле. Там коттеджный поселок рядом закончили и решили церковь недалеко. А она там на лошадях по этому полю с детства каталась. Лошадь у нее, вроде даже своя. В деревне жила, в старой, что недалеко. А тут... Сначала богатый поселок, потом церковь. Ручей перегородили, дорогу, точнее тропу, перекрыли. Она и организовала протестные акции.

– Акции, – поправил адвокат.

– Да, конечно, – Елизавета улыбнулась. – Это она так говорит. Мол, устроила им протестные акции взамен вырубленных... Акции там, говорит, вырубил. Она строительные леса на колокольне будущего храма и подожгла в знак протеста. И вот ее святой водой окропить пришли. Точнее, всех нас. Мне-то в радость, а вот ей даже спрятаться негде, кричать начала, будто ее не водой, а кислотой облили.

Вульф содрогнулась. Видно было, что случайно вырвавшиеся слова о кислоте больно обожгли ее, будто капли едкого вещества попали на кожу.

– Отправление религиозных обрядов не должно нарушать прав представителей иной веры, так в правилах внутреннего распорядка написано. Настя ваша может жалобу подать, – сообщил адвокат, в большей степени чтобы не дать своей подзащитной замкнуться и молчать.

– Подала, наверное. Она боевая. Кричала: у нас, мол, светское государство! Не хочу, чтоб меня насильно к вашему Богу приобщали. Мне что, в туалете прятаться от вашей святой воды?.. Чудная... В туалете прятаться от святой воды... Можно подумать, параша ее чувства защитит от оскорбления добром... Да и как добром оскорбить можно?

– Лиза, я пытаюсь с вами поговорить о деле, – адвокат серьезно посмотрел в ее темные глаза. – Мы должны сосредоточиться, если не хотите провести остаток жизни в клетке.

– На чем сосредоточиться? – отводя глаза, произнесла заключенная. – Я все рассказала. Я спланировала его убийство. Я – как они там написали? – «приискала орудие преступления – азотную кислоту...» Дурацкое слово – «приискала». Будто ходила, искала, искала... Звучит как-то не по-русски...

– Особый язык уголовного судопроизводства, Лиза. Согласен, слово дурацкое. Но все-таки, Лиза, вы что хотите, просто выйти к присяжным и сказать им – посадите меня, я приискала азотную кислоту, чтобы убить мужа? Вас посадят лет на пятнадцать...

– А если мы с вами, Артем Валерьевич, будем сосредоточиваться, меня посадят на четырнадцать? – невесело усмехнувшись, взглянула Лиза на своего защитника. – Мне девчонки в камере сказали, что...

– Лиза, нас с вами не должно волновать то, что сказали вам девчонки в камере, – прервал ее адвокат. – У них свои проблемы, у нас свои. Пусть они решают свои проблемы. Вопрос вот в чем: мы можем признать вину и просить рассмотреть дело в особом порядке. Получите лет восемь. Вы молодая, выйдете на свободу лет через шесть. Вам и тридцати не будет. Но, во-первых, нельзя быть уверенным в таком раскладе на сто процентов. Во-вторых, вы же сами сказали – вы не желали ему смерти. Так?

– Не желала. Или желала... Какая разница? Я приискала кислоту. А Валерий ее влил в рот Федору. Если бы я могла сказать, что это сделала я, сказала бы. Но его сняла камера видеонаблюдения и кто-то опознал, и что я могу еще сказать? Да, он влил кислоту, а приискала я...

– Лиза, перестаньте повторять это слово «приискала», раз уж сами поняли, что оно дурацкое, – несколько раздраженно заметил Каховский. – Дело в том, что ваш муж Федор жив, а

значит, вопрос может ставиться не о покушении на убийство. Ваш супруг отказался давать показания против вас, а значит, у обвинения нет показаний потерпевшего, и некому обжаловать приговор, если он будет в вашу пользу... Кроме обвинителя, конечно, то есть прокурора. То есть, если вы не желали ему смерти и он на этом не настаивает, можно говорить об иной направленности умысла, не на убийство, а на причинение телесных повреждений, например, ведь кислоту можно использовать по-разному. Не вы же сказали Игнатьеву, что ее обязательно надо влить в рот? Елизавета молчала. Видно было, что она, с одной стороны, чувствует себя виновной в происшедшем и готова понести за это наказание, каким бы суровым оно ни было. С другой стороны, это была молодая девушка, которой природные инстинкты подсказывали бороться за жизнь и свободу. Она, сколько себя помнила, боролась за жизнь: когда жила в маленьком захолустном городке в одной квартире с пьющей матерью, вечно грозящейся ее убить; когда училась в средней школе, где большинство детей были такими же подростками из неблагополучных семей, рано впитавшими в себя практически все негативные черты своих родителей; когда приехала в большой город и осталась один на один без денег и перспектив против многомиллионного улья совершенно чужих ей существ, занятых только собой и своими проблемами. Конечно, Лизе хотелось жить, и перспектива будущего в колонии для убийц ставила крест на ее надеждах, благодаря которым она, собственно, и выживала последние десять лет. Живя с матерью и соседями-алкашами, общаясь с несовершеннолетними и даже вполне зрелыми преступниками, пребывая в одиночестве без друзей и родных, она все-таки надеялась, что завтра все может измениться. Она грезилась, что завтра утром она проснется – а все совсем по-другому. Нет грязного, липкого пола кухни, засыпанного окурками после материнской вечерней посиделки, нет опухших лиц соседей, нет усмехающихся лиц одноклассников, нет разбитых тапочек-мокасин, в которых ей приходилось ходить даже зимой по снегу. Все это могло измениться сразу, в один миг, только Лиза не знала как. Но точно знала, что могло измениться. Как в книгах, что она прочла. Но если получить срок в виде даже минимальных восьми лет, ничего завтра измениться уже не может. Лиза не боялась потерять свободу на эти восемь лет. Она не могла смириться с потерей *надежды*, что завтра все может измениться.

– Я не говорила ему, Федору... Я не просила влить в рот. Я... Я не могу объяснить. Он... Федор... как он? – она встрепенулась. – Вы же были у него? Как он?

– Насколько может быть нормально в условиях тюрьмы – нормально. Держится. Говорит, что вас любит и готов взять все на себя. В том числе и ваше любимое «приискал». Точнее, приискал. Он готов сказать, что это он нашел кислоту, все организовал и сам все выполнил. Ему мешают только ваши показания – вы во всем признаётесь. Если вы поменяете их, то тогда...

– Я ничего не поменяю, – твердо сказала Вульф.

Глава 8

После встречи со своим защитником Лиза вернулась в камеру, пройдя, как водится, ряд унижительных процедур обыска, и легла на койку. Ее соседки были в это время на прогулке, так что у девушки был почти час, чтобы просто побыть в одиночестве. Она лежала лицом вниз, уткнувшись в подушку, пахнущую сыростью и дешевым стиральным порошком, и вспоминала свою жизнь до того, как она попала в эти стены. Она старательно вычистила из памяти то, что с ней происходило в детские и девичьи годы в захолустном городке, ее новая жизнь началась как раз с момента приезда в Москву. Точнее, знакомство с доселе не известной ей жизнью началось еще в электричке, когда она разговорилась с сидящими рядом пассажирами: симпатичной женщиной лет пятидесяти, явно ехавшей с дачи домой в столицу, и полным мужчиной под пятьдесят, по виду тоже дачником, который с момента посадки на одной из станций бесцеремонно пялился на Мышкину, особое внимание уделяя ее коленкам, торчащим из-под выдавшего виды неопределенного цвета пальто.

– В Москву, значит, едете? – обращаясь к пожилой дачнице, спросил мужчина, понимая, что завязать разговор с молодой соседкой напротив будет не совсем красиво.

– Еду, точнее, возвращаюсь, – охотно откликнулась дама. – С дачи еду. Вы, я смотрю, тоже?

Дама кивнула головой, указывая на гибридный туристский рюкзак с армейским вещмешком у ног мужчины.

– Да, вот недельку побыл, да что-то соскучился по столице. Деревня-то – оно хорошо, воздух, рыбалка и все такое, но скучаю, знаете ли, по театрам, по выставкам, привык. Опять же, увлекаюсь большим теннисом, играю, даже в соревнованиях участвую... По ветеранам, конечно, но почти всегда в призах.

Мужчина явно хотел произвести впечатление на Лизу, все чаще переводя взгляд со своей собеседницы на ее молодую соседку.

– Сто лет не была в театре, в последний раз с моим покойным мужем, – дама с недовольством покосилась на Мышкину, тут же мило улыбнувшись дачнику-театралу. – Сейчас с этой дачей приходится возиться, дом большой, участок, а мужских рук-то не хватает. То одно надо, то другое...

Мужчина посмотрел на собеседницу, перевел взгляд на Лизу, потом снова взглянул на пожилую вдову. Казалось, он размышлял. Вдруг он медленно поднялся со своего места и сказал:

– Я на секунду отлучусь? Вы не приглядите?

– Конечно, конечно, – с готовностью откликнулась дама, прикоснувшись к рюкзаку соседа, как бы показывая, что тот будет под ее охраной.

Когда мужчина вышел в тамбур вагона, вдова вперлась взглядом в Лизавету, будто предлагала ей пересест на другое место. Лиза было подумала как раз так и сделать, но сосед очень быстро вернулся, плюхнулся на свое место и, обращаясь к уже обеим женщинам, сказал:

– Когда я был в Америке лет десять назад в командировке, я обратил внимание, что люди там при первом же разговоре знакомятся. То есть первое, что они делают, – это представляются, а уже потом начинают разговор. Так и говорят: Ай эм Пол! То есть меня зовут Павел! А вас?

Он обратился к вдове. Лизе показалось, что из тамбура за Павлом увязался запах спиртного, а глаза мужчины явно повеселели.

– Я Маргарита, – откликнулась на предложение познакомиться женщина. – Хау а ю? Так, кажется, говорят при знакомстве?

– А вы, юная леди? – Павел, наконец, смог обратиться к Мышкиной. – Вас как зовут и откуда путь держите?

– Я Лиза, – Мышкина опустила глаза. – В Москву еду.

– Там у вас родственники или возлюбленный? – с надеждой на отрицательный ответ спросил Павел.

– Нет у меня никого, – ответила Лиза. – Просто подруги говорили, в Москве проблем нет ни с работой, ни с жильем. Не то что у нас в городе...

Маргарита с укором посмотрела на Мышкину и с язвой в голосе сказала:

– Вот так девчонки молодые и попадают в беду. Едут, сами не зная куда, доверчивые и бестолковые. Думают, их принцы прямо на вокзале московском встречают. А потом смотришь криминальную хронику по телеку: опять полиция накрыла очередной притон, и сидят они такие, лица ладошками закрывают от телекамеры.

– А я вот, знаете, Маргарита, не считаю таких девушек падшими, как их обычно пытаются выставить, – с самодовольной улыбкой произнес Павел, откидываясь на спинку сиденья.

Он оценивающе посмотрел на коленки Лизы и продолжил: – Вот женщины, они ведь с детства, еще со сказок детских о чем мечтают? О принцах. Желательно на белом коне. Разве это плохо? Нормальное человеческое желание для женщины – получить в мужа принца, чтобы он смог обеспечить своих будущих детей. То есть ее детей. Это природа! Ничего тут не поделаешь, это нормально. Поэтому когда кто-то из моих друзей говорит или даже ноет, что, мол, женщинам в мужчинах нужна не душа, а кошелек, я обычно отвечаю: а что, они должны святым духом детей кормить? Бог сказал женщине, или Природа, если хотите: ваша задача родить детей и сохранить их, чтобы дожидаться внуков. Шансов выжить у детей принца больше, чем у отпрысков простолюдина, хотя бы с голоду не умрут.

– А как же любовь? – удивилась Маргарита столь развязному тону мужчины, который буквально пять минут назад, до своего выхода в тамбур, казался ей достойным и скромным. – Женщина хочет любить! Для нее главное – любовь, чувство! Когда женщина любит, ей все равно, принц перед ней или крестьянин.

– Ерунда! – воскликнул Павел. – Пардон, мадам! – добавил он, заметив, как Маргарита вспыхнула от негодования. – В смысле не согласен я с вами по поводу любви. Что такое любовь? Химия! Чистой воды гормоны. Согласен, что они выделяются при виде сильного мужчины, такого молодого самца, от которого можно произвести потомство. Это нисколько не противоречит моей теории, ибо, если подумаете, кого выберет юная девушка, если ей представится возможность выбирать между двумя самцами – бедным пастухом и богатым принцем? Я вас уверяю, она выберет принца на белом коне! Просто раньше, когда писались сказки, принцев было мало, королев еще меньше, а крестьян-пастухов много. Выбор был невелик. Да и потом, пожилой мужчина буквально сто лет назад был не настолько уж самцом, и женщины не могли это не чувствовать. Вот и выбирали кого помоложе да поближе, лишь бы размножиться. Раньше молодые и сильные мужчины составляли серьезную конкуренцию людям, так сказать, зрелого возраста. А сейчас...

Павел сластолюбиво посмотрел на Мышкину и ее коленки.

– Сейчас мы, зрелые мужчины, занимающиеся иногда спортом, ведущие правильный образ жизни, да и что греха таить, употребляющие средства современной медицины для укрепления своего либидо, гораздо выгоднее молодых и бедных пастухов с широкими плечами. Времена изменились, принцы в сияющих доспехах и на белых конях трансформировались в респектабельных мужчин в дорогих костюмах на черных мерседесах.

– У вас есть мерседес? – насмешливо произнесла Маргарита, разглядывая недорогую одежду пассажира подмосковной электрички.

– Ну... у меня вполне престижная иномарка, скажем так, – ничуть не смутившись, сказал Павел. – А на электричке я езжу, так как ненавижу пробки. Так удобнее. Так вот, вы говорите:

любовь! Уверяю вас, если бедный студент пригласит нашу очаровательную Лизоньку в какой-нибудь «Макдональдс», она, конечно же, согласится, но только в том случае, если не будет альтернативных предложений поехать куда-нибудь в место поприличнее. Мужчина при деньгах может сделать время, проведенное с ним, гораздо ярче и насыщеннее, разве нет?

– Вы в женщинах проституток только видите, – уже откровенно возмущенно произнесла Маргарита. – Вам кажется, что нам нужны ваши деньги?

– Да не деньги, Марго, – было явно заметно, что принесенный из тамбура запах спиртного серьезно повлиял на мысли и речь Павла. – Не деньги, а эмоции! Что плохого в том, что мужчина за деньги покупает для женщины положительные эмоции? И что плохого, что он покупает их и для себя? Вот вы говорите – проституция. Вы считаете это явление омерзительным, а поведение проституток аморальным? А я вот, представьте, нет! Знаете почему? В толковом словаре Ожегова, помнится, есть определение: «Проституция – продажа женщиной своего тела с целью добыть средства к существованию, а также с целью личного обогащения». Из этого следует, что определяющим признаком проституции является получение вознаграждения за секс. Но если коснуться немного истории вопроса, то мы увидим, что на заре цивилизации проституция была легальным ремеслом, за что полагалось вознаграждение. В индуистских храмах работали уважаемые в народе жрицы любви – танцовщицы, которые отдавались жрецам и паломникам. Говоря современным языком, такая услуга увеличивала кассовые сборы храма и способствовала приобщению к религии.

Маргарита и Лиза поморщились.

– При этом речь шла не об удовлетворении страсти, а об обучении божественному искусству любви, – продолжил лекцию Павел. – Подобная практика существовала и в Древнем Вавилоне. А в Помпеях? Вы были в Помпеях, что у подножия Везувия? Помните древний город, засыпанный пеплом? Там сохранились в мостовых камни в виде пенисов, которые указывали дорогу к тогдашнему борделю, и раз в неделю патриции ходили по этим указателям к жрицам любви. Никому от этого плохо не было, а жены, наоборот, радовались: муж-то не на сторону идет, не из семьи, а на время развеяться. А в семью неминуемо вернется под утро.

– Почему же проституцию стали преследовать, раз так все были рады и счастливы? – язвительно спросила Маргарита.

– Ну... некоторые историки этого вопроса (представьте, есть и такие) говорят о заслуге христианства в борьбе против проституции. Действительно, средневековое христианство морально ее осуждало. Но откровенная борьба с проституцией началась в Западной Европе только в XVI веке в связи с эпидемией сифилиса. Таким образом, проституция – это исторически не моральная, а медико-гигиеническая проблема! Ну, так сейчас это не проблема! Есть средства защиты, есть диагностика, средства гигиены в каждом доме. И что, получается, какая-нибудь пьянчужка с Курского вокзала переспит с мужчиной «по любви», чтобы просто выпить с ним стакан портвейна и съесть полпачки пельменей, заразит его болячкой – так она не проститутка, и мы ее не осуждаем, потому что она деньги за секс не взяла? А честная и чистая девушка, чистая в смысле гигиены, а честная в смысле, что просто взамен ласки попросит не пельмени, а денежный эквивалент, – она аморальная особа и мы ее осуждаем?

Павел помолчал секунду, переводя взгляд с одной собеседницы на другую, как бы ожидая их реакции. Не дождавшись, он заговорил вновь:

– Кстати, в России проституция не является уголовным преступлением, если вы не знаете. Ответственность за нее предусмотрена в Кодексе об административных правонарушениях. Проституток могут оштрафовать на 1,5–2 тысячи рублей за занятие проституцией. Знаете, в чем смех? В том, что такая же санкция предусмотрена за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или лицензии.

– Вы, значит, считаете, что проституцию стоит разрешить? Об этом часто говорят, – Маргарита смотрела на него с укором.

Лиза молчала, с интересом слушая откровения первого встретившегося ей москвича.

– Конечно! – Павел облизнул губы. – Нет, я вовсе не хочу, чтобы нашим депутатам пришлось голосовать за закон с идиотским названием «О проституции в Российской Федерации». Просто надо убрать административные наказания за вполне нормальную жизненную ситуацию. Лицензии выдавать. При этом выдачу лицензий осуществлять как на индивидуальное занятие проституцией, так и на содержание заведений-борделей, которых и так полно под видом саун, массажных салонов и т. п. Обязательные условия выдачи лицензии – регулярный медосмотр, обязательство использования средств защиты, обязательное соблюдение санитарных норм, с возможностью проверки Роспотребнадзором, и лишение лицензии, если что не так. Кстати, при всей неприглядности этой идеи она статистически оправдана: проституция в некоторых случаях способствует уменьшению числа сексуальных преступлений. Например, после легализации проституции в Дании число зарегистрированных изнасилований значительно снизилось, тогда как в Австралии, после того как проституция там была законодательно запрещена, количество изнасилований выросло втрое!

– А вы сами пользуетесь услугами проститутки? Фу... какая мерзость!!! – брезгливо поморщилась Маргарита. – Это пошло, гадко, противно... Грязно... Вы даете деньги не для того, чтобы кто-то обучил вас высокому искусству любви, и не жертвуете храму, вы просто удовлетворяете свою похоть. А прелюбодеяние является одним из смертных грехов! Ваши рассуждения о невинности явления проституции не более чем попытка прикрыть собственное падение, свою низость. Может быть, проститутки и достойны того, чтобы не быть осуждаемы обществом. Но вы-то?

– Ого! – не ожидая такого напора со стороны Маргариты, воскликнул Павел. – Да вы прям как Спаситель, читаете лекцию евреям!

– В Новом Завете, – обращаясь уже к Лизе, сказал он, явно наслаждаясь собственной эрудицией, – в Евангелии от Иоанна, главу и стих не помню, приведены слова, которые Иисус сказал книжникам и фарисеям, когда последние, искушая его, привели к нему женщину, уличенную в прелюбодеянии, и потребовали ее наказания. Для такого рода преступлений в древней Иудее, знаете ли, существовала казнь – избиение камнями. На это Иисус ответил: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень». И никто не смог сделать это. Маргарита хочет сказать, что Иисус пристыдил мужчин, ибо это они грешны в большей степени, а не женщины! Но ведь я и не спорю! Я лишь хочу сказать, что раз блудница смогла стать святой, соответственно, нет смысла карать проститутку за их занятие, раз каждая из них потенциально святая!

При этих словах Павел как-то особенно посмотрел на Лизу, отчего ей вдруг захотелось встать и уйти, настолько этот высокомерный взгляд был ей противен. В то же время она не чувствовала от этого человека никакой опасности, он просто болтал языком, весело для себя убивая время дороги. Лиза решила просто промолчать и послушать, что в ответ Павлу скажет Маргарита. Та не заставила себя долго ждать, сяззвив:

– Вы говорите о Марии Магдалине? Она не потенциальная святая, а женщина, из блудницы превратившаяся в святую, так как осознала низость своего поведения. Вы, как те мужчины с камнями, вряд ли что-то поняли. Но они-то – в силу своей темноты дремучей, куда им понять, что вопрос в раскаянии, в перерождении, а вы, хоть и современный вроде человек, просто подстроили библейскую историю под свое миропонимание – мол, раз Иисус сказал: грешница не греховнее некоторых, то, следовательно, проституция – вполне себе достойное занятие.

Павел будто ждал этого аргумента со стороны своей оппонентки.

– А знаете, милые дамы, что я вам расскажу? – с налетом таинственности сказал он. – Мария Магдалина не была никакой блудницей. Все это выдумки! В смысле она была женщиной своего времени и даже далеко не проституткой! Да-да-да! Вы удивитесь, но это так. Я вам сейчас все расскажу. Мария Магдалина, точнее, ее почитание появилось из-за того, что оно

просто было нужно. Ну, представьте, женщинам кому подражать было тогда? Сериалов нет, телевизор еще не изобрели. Мужчины могли брать пример из Библии, ее Нового Завета, с кого угодно, от самого Иисуса до любого из двенадцати апостолов (Иуду не считаем, хотя он вполне себе для многих пример, и я таких знаю, хе-хе). Понтий Пилат само собой... А из женских персоналий кто там есть? Мать Иисуса, Дева Мария – Богородица! И что? Кто осмелится брать пример с Божьей Матери? Шутите? Она ведь одна такая! Кстати, никто так и не знает, почему Мария Магдалина вдруг стала блудницей. Вот вы, дорогая Марго, сказали – она блудница. А я этого не говорил. Ведь в Новом Завете о Марии Магдалине нет ничего компрометирующего! Кто первым придумал, что блудницу звали Мария Магдалина? Мел Гибсон, что ли, в своем кино? Да и оригиналы книг Нового Завета к нам не попали, просто эти книги кто-то вечно переписывает. Вот и про грешницу кто-то взял и добавил, а ведь неизвестно, была ли эта история вообще. Ну, допустим, была. Но культ кающейся грешницы возник, как я и сказал, позже, когда нужен был пример для женщин! Сами посмотрите вокруг! Кого вокруг вас вы видите чаще? Потенциальных Матерей Божьих или блудниц? Вот, в том-то и дело! Блудниц больше, как больше винных магазинов, чем книжных! Вот и придумали авторы, переписавшие Евангелие: грешница Магдалина начинает новую жизнь. Женщина-распутница показывает путь ко спасению! Вот вам и надежда, то есть пример для миллионов женщин. Просто Магдалина стала примером, необходимым обычным прихожанкам церкви, она была такой же, как большинство из них.

Павел победоносно посмотрел на своих попутчиц, внимающих его словам без признаков желания вступить в спор. Он полез во внутренний карман пальто, достал фляжку с приваренной на фасадной части армейской кокардой, отвинтил пробку и отхлебнул пахучего коньяка. Запах, принесенный Павлом из тамбура, и аромат от глотка из фляжки по всем признакам совпадали. Медленно завинчивая пробку, Павел продолжил:

– И, кстати, настоящая Магдалина, о которой в Новом Завете все-таки упоминается, бедной проституткой совсем не была. Как-то мы привыкли думать, что Древняя Иудея – это общество священников-книжников, пастухов, каменщиков, плотников да парней, ловящих рыбу. Как и в любом обществе, там было расслоение. Были, конечно, пастухи, но были и чиновники. А была и совсем элита. Книжки читали, языки изучали, в театры ходили. Древние театры. Так вот почему Марию называли Магдалина? Она была Мария из Мегдала, деревня такая рядом с элитной Тивериадой, как вроде Жуковка рядом с Барвихой. В Тивериаде жила римская и еврейская элита, да и сейчас там курорт в Израиле, я там был, кстати, как-то проездом. М-да... Так вот, у Марии Магдалины, судя по Новому Завету, были родственники, Лазарь и Марфа, то есть не сиротка она была точно, а еще у нее вроде как вилла оказалась в этом Мегдале. Так что наша блудница была скорее... светской львицей. Хотя... Какая разница? Вот кто не слышал о Пэрис Хилтон?

Грешница? Однозначно! Падшая? Сто процентов! Развратная? Каких свет не видел! Но – богатая! Такой нельзя подражать! Даже если раскается! Вот и придумали несчастную блудницу...

– Мой дедушка говорил, что если бы не Мария Магдалина, у нас не было бы крашенных яиц на Пасху, – вдруг подала голос Мышкина. – А почему, я не помню. Маленькая была, может, он и объяснял, но я не помню. Он умер давно...

Павел удивленно посмотрел на Лизу, как бы раздумывая, что ей ответить. Он несколько раз открывал было рот, но никак не мог издать чего-то членораздельного. Маргарита тоже смотрела на Мышкину, но теперь скорее с любопытством, без раздражения.

– Мадемуазель! – Павел собрался, наконец, с духом. – Эту историю я вам с удовольствием расскажу. Не сейчас. Сейчас, как я понимаю, мы приехали.

Павел кивнул головой в окно и обвел выразительным взглядом пассажиров вагона, начавших собираться. Он полез в карман пальто снова, достал оттуда фляжку, но открывать ее не

стал, а начал шарить рукой в кармане в поисках чего-то. Через пару секунд Павел извлек из-под пальто смятую и потертую визитную карточку и протянул ее Лизе.

– Вы, если захотите, позвоните мне. Я вам про яйца расскажу, – Павел противно улыбнулся. – Могу помочь, если вдруг надо будет, с обустройством в Москве. Ну, вы понимаете...

Он подмигнул. Маргарита, увидев это, укоризненно фыркнула.

Поезд плавно подкатывал к вокзалу.

Мышкина в толпе пассажиров, набившихся в тамбуре в ожидании прибытия, через их разномастные головы в который раз читала на грязном стекле дверей «Не прислоняться». Через минуту буквы с шипением исчезнут и она шагнет на перрон, полная надежд на абсолютно новую жизнь. Вот уже слышен скрежет тормозов...

Это был звук открывающейся двери ее камеры. С прогулки вернулись заключенные соседки.

Глава 9

На следующий день адвокат Каховский снова пришел к Вульф для разговора. Комнату для допросов предоставили на редкость быстро, но пустую, дающую возможность Артему за полтора часа ожидания пересчитать все паутины по углам со скрюченными жертвами-мухами и измерить периметр этой «переговорной» разной амплитудой шагов.

Наконец, Лизу привели. Толстая конвоирша, или, правильнее сказать, конвойная, вручила заключенную, облаченную в традиционный спортивный костюм, адвокату и, зыркнув глазами, рявкнула:

– Ничего не передавать арестованной. Ничего не принимать от нее. Если что-то хотите, чтоб она написала, пусть пишет и передает через начальство СИЗО.

Сотрудница ФСИН еще раз строго взглянула на адвоката, внимавшего ее словам с чуть заметной улыбкой и в такт казенным фразам покачивавшего головой.

– И это... Не вздумайте!!! – Она сделала красноречивый жест руками, сомкнув в кольцо два пальца левой руки и прихлопнув эту конструкцию несколько раз ладонью правой. Завершив пантомиму, она погрозила пальцем адвокату, его подзащитной и вышла.

– Это она знаете о чем? – спросила Лиза несколько растерянно. Она не хотела, чтобы адвокат первым задал этот вопрос, полагая, что он может и не знать, о нарушении каких правил внутреннего распорядка его предупредили только что.

– Знаю! – совершенно серьезно ответил Каховский. – Слава Богу, давно работаю. Это она про библейские заповеди беспокоится. Во всяком случае про одну – не прелюбодействуй.

– Не понимаю, как это люди могут? Здесь? В допросной... – опустив глаза, тихо произнесла Лиза. – Мне девчонки-соседки по камере говорили: главное, чтоб мужик хороший попался, успел все. Шутят так... Они ж это не ради удовольствия, а для того, чтоб забеременеть. Беременным другой режим, да и срок меньше...

– Угу, а то и отсрочка исполнения приговора, – сообщил адвокат. – Я слышал, раньше оперативные сотрудники, что промышляли тут или в колониях, иногда такие вещи исполняли. Для дела. Нужно ему, например, женщину расколоть, чтоб подельников своих сдала. А та ни в какую. Вот и заключали сделку. Он ей – возможность зачать, она ему – сведения. Про СПИД тогда было неизвестно, генетическую экспертизу на отцовство еще не придумали. Да и мало бы кто отважился подавать в суд на опера – устанавливать отцовство. Получалось вроде прелюбодеяние, а вроде и борьба с преступностью и заодно помощь ближнему. Не говоря уже о вкладе в нормализацию демографической ситуации в стране. Извините, увлекся...

Каховский заметил, что Лиза не в восторге от его шутивого тона. Он открыл принесенную с собой папку со скоросшивателем, вынул из прозрачных файлов несколько скрипучих листов бумаги и украсил ими издававший виды стол. Достав из внутреннего кармана пиджака ручку, адвокат поднес перо к бумаге. В правом верхнем углу листа написал слова «Допрос Вульф». Поставил дату. Рядом с датой написал: «Адвокатское досье, данные заметки составляют адвокатскую тайну». Нарисовал два смайлика и что-то похожее на фаллос сверху.

Лиза молча наблюдала. Видя ее неприкрытое удивление, Каховский пояснил:

– Это тогда точно моя, а не ваша записка. На выходе могут изъять и пытаться прочесть. Я еще не то нарисую. Пусть думают, что это такой гусь лапчатый.

Девушка выдавила из себя подобие улыбки, просто уронив уголки губ.

– Лиза, – серьезно продолжил адвокат. – Мы же решили идти к присяжным. Значит, нам нужно работать. Вы будете помогать?

– Ну, мы же решили... – Лиза посмотрела адвокату прямо в глаза. – Вы, наверное, хотите знать все до последней детали. Я вам все расскажу. Насчет передачи кислоты Валере, знаете...

– Лиза, давайте не с кислоты начнем. Давайте с ваших отношений с мужем. Присяжные – это не следователь и не прокурор. Это люди, которые в большей степени предпочитают найти ответ на вопрос «Почему это произошло?», нежели чем «Каковы детали того, что произошло?». Улавливаете разницу? Для них мотив важнее, чем все доказательства, вместе взятые. Они не должны видеть в вас механическое существо, покусившееся на святое – человеческую жизнь, им нужно знать вас от и до, чтобы понять – вы вообще можете быть виновны, или это ошибка какая-то, стечение обстоятельств? Поэтому расскажите мне о вашей жизни с Федором, вы ведь прожили пять лет. Учтите, прокурор будет выставять вас похотливым чудовищем, и то, что обычно может разжалобить присяжных, а именно ваше тяжелое детство, пьяница-мать, о которой я знаю уже, – все это будет преподнесено так, что у присяжных должна возникнуть только одна мысль – иначе она не смогла поступить, ибо она порочна. Причем они будут понимать, что пороки ваши – это результат вашего тяжелого детства, но для вердикта «виновен» это значения не имеет. Неблагополучная семья может смягчить приговор, но на главный вопрос о виновности этот фактор не повлияет.

– У меня не всегда была неблагополучная семья! – вспыхнув, воскликнула Лиза. – Мать начала пить после смерти бабушки, ее отца. Отец мой, правда, бросил нас, и я его не помню, но он исправно присылал алименты. А вот дед... Вы знаете, какой у меня был дед! Он был очень крут. Очень. Он служил в НКВД, кстати, воевал, у него медали были. Я помню, китель висел в шкафу – парадный. Мама рассказывала, ему ночью звонили в дверь, он просто одевался, шел и все разруливал, как Бэтмен... Его имя до сих пор на досках почета в каких-то управлениях. Мне говорили. Но для моей мамы он был самый любящий на свете отец. А для меня он был человеком, научившим меня кататься на велосипеде, выпиливающим лобзиком в своем гараже какие-то немыслимые штуковины и каждое утро приносящим мне из булочной вкуснящие булочки, за которыми он ходил рано утром специально для меня.

– Наверное, он был уважаемым человеком, надо будет навести справки о нем, тем более если на доске почета, – адвокат что-то записывал.

– Наверное... Наверное, он был очень крутым, – Лиза оторвала взгляд от записей адвоката и уставилась в стену. – И реализован был очень. И помнят его. Только по моим ощущениям он – человек, который поймает мой велик через круг стадиона, и я точно не упаду, потому как тормозить у меня не получалось. И не будь его рядом, что мне от его заслуг перед отечеством? А вот булки и навык езды на велосипеде... На всю жизнь со мной. И еще портфель с зайчиком... С которым я пошла в первый класс. Мы с ним его покупали вместе. А потом ехали на поезде домой к маме, и мне казалось, что у меня самый красивый портфель во всем вагоне, предмет вожделения всех присутствующих. Я помню, как он смотрел на меня нежно и упивался моим складыванием-выкладыванием по дороге всех моих кукол и прочих мелочей в этот портфель. И как наше с ним общение умиляло присутствующих, когда я просила достать мне портфель с багажной полки и начинала очередной круг открывания-закрывания всех этих собачек на портфеле. И да... Он носил на пенсии свои милицмейские рубашки на огород. И выращивал для меня клубнику, самую вкусную на свете. И очень ждал, чтобы я успела на первые ягоды на каникулах. И всегда рано утром брился и пшикался такой пшикалкой-одеколоном из трюмо, носил смешные кепки и шляпы. И еще был очень немногословен. Но был таким добрым, что достаточно было залезть к нему на колени, чтобы понять, что ты «в домике»... От него пахло «Примой» вперемешку с одеколоном, и вечером у него колосся подбородок, когда я шла целовать его на ночь. И он единственный укладывал меня спать быстро. Потому что... Он пел мне одну и ту же песенку на украинском. Я хохотала и точно знала, что завтра будет так же весело, когда он начнет петь про «Конька бэз ногы»...

Лиза замолчала. Она смотрела в стену и ее глаза наполнились слезами. Опустила голову, обхватила ее руками. Плечи задрожали, в такт им задрожали полосы известного спортивного бренда на груди. Почему-то Артем смотрел именно на него. Выработанная годами привычка

прятаться от чужих эмоций, смотреть в какую-то независимую от них точку. Так ты не принимаешь столько боли на себя. Он отвинтил пластиковую голову стоявшей на столе бутылке с водой, принесенной с воли, протянул плачущей Елизавете.

– Лиза, выпейте воды, – произнес Артем как можно мягче. – Выпейте, выпейте... Пожалуйста...

– Да... да... – вытирая глаза рукавом потертой спортивной кофты, сказала Вульф. – Я сейчас успокоюсь... Извините...

Артем отметил, что соленый удар слез Лизы принимал на себя рукав, за месяцы заточения изменивший цвет на черный. У Игнатьева, припомнил адвокат, пятно на брюках, куда он складывает редкие мужские слезы. Возможно, производители спортивных костюмов не знают, что по всему миру их продукцию носят временно заключенные под стражу люди. Знали бы, озаботились специальными впитывающими влагу вставками из современных фибротканей в тех местах, куда плачут мужчины и женщины.

– Лиза, скажите, ваша жизнь с Федором, она ведь начиналась хорошо? Какой он вообще? Вы, я так понял, искали в нем того человека, о котором только что мне рассказали, – своего деда...

Лиза встала. Она прошла по комнате из угла в угол и остановилась у двери. Повернувшись, она, видимо, собрала с духом и начала говорить:

– Он просто сказал тогда: если хочешь, живи у меня. Я ж когда в Москву приехала, у меня никого тут не было из знакомых. Отец тут где-то, но его адреса я не знала, да и нужна я ему? У него своя жизнь, своя семья, наверное...

В общем, я выхожу на вокзале и не понимаю, куда идти, в какую сторону. Просто стою. В одной руке сумка, в другой визитка этого Павла...

Ну, который ваш друг оказался, что вас-то попросил мной заняться...

Каховский кивнул. Именно его школьный друг Павел действительно позвонил ему как-то и попросил помочь «девчонке, попавшей в беду».

– Ну, мы с ним только говорили дорогой, пока ехали, он мне визитку-то дал... Я думаю: зачем? Думаю, позвонить ему, пока далеко не уехал с вокзала, ведь куда мне действительно идти? Я тут никого не знаю, этот хоть и первый встречный, но мы хотя бы знакомы. Да, в общем, для меня в Москве в тот день все были первыми встречными. Поэтому я позвонила Павлу. Говорю ему: «Это, мол, я – Лиза, мы с вами в поезде познакомились».

Он отвечает: «А... Любопытно стало? Хотите узнать про яйца и Марию Магдалину? Давайте завтра меня наберите часика в два дня, увидимся».

Я говорю: «Мне идти некуда. Скажите, куда подойти, я на вокзале буду пока».

Он мне сказал стоять на месте у часов и через пять минут меня забрал. У него оказалась большая черная машина с водителем. Даже мини-бар в машине, бутылочки такие маленькие, стаканчики красивые. Я еще подумала: чего он на электричке ездит?

Каховский улыбнулся. Павел был экзотичным человеком. Умным, добрым, интеллигентным и далеко не бедным. Артем знал Павла давно, они часто общались, беседуя на любимые темы Павла – где-то на грани науки и религии. Кременецкому нравились женщины, точнее, нравилось, что он им сначала не нравился, а потом они в него просто влюблялись. Но он был верен своей одной женщине, с которой жил, а остальные его интересовали в большей степени как доказательства его способности их в себя влюблять. Грани, которую можно было бы назвать изменой, он не переходил, но женщины об этом не знали, полагая, что его похотливые взгляды на их выступающие части тела отражают его реальные желания физической близости.

Артем представил, каково было Лизе чувствовать себя в минивэне Павла, когда он наливал ей 18-летний виски из мини-бара.

– Вы должны были испугаться, – глядя в глаза Лизе, сказал адвокат, – все-таки чужой город, незнакомый человек, большая черная машина...

– Должна была бы, если бы не жила в нашем городе. Я видела разных мужчин и знаю, когда они представляют опасность, а когда нет. У нас – одни братки или очкарики. Причем братки иногда менее опасны, чем очкарики.

Каховский удивленно вздернул брови.

– Я как-то была на одной тусовке в квартире известного одного нашего авторитета... – начала объяснять Лиза.

Брови адвоката еще раз дернулись вверх, прося продолжить рассказ.

– Ну, он себя считал таким, – заметив мимику своего защитника, сказала Лиза. – У нас же город провинциальный, такие и нравы, такие и авторитеты. Так вот, там были и девчонки, и ребята, все выпивали. Девчонки там, как понятно, с некоторыми ребятами в спальне по очереди... А ко мне никто не подходил. Я так поняла, меня именно для него подруги и привели. Я-то дура с косичками по сравнению с ними. Небось, сказали, вот тебе пока еще цветочек, рви...

Он пьет и на меня посматривает. Ни с кем в спальню не удаляется. Я хотела уйти, но страшно, один раз у входной двери очутилась, так меня оттуда взявшей один из его дружков: куда, мол, намылилась, вечер только начался!

Лиза замолчала.

– Так чем же очкарики опаснее братков? – с любопытством спросил Артем.

– А? Да, – встряхнула головой Вульф. – Вот тот случай. Бандит этот, Саша... Все уже разошлись, мы остались вдвоем. Я говорю ему: «Я тоже пойду, спасибо за все».

Он отвечает: «Ты что, мать, куда собралась? У нас с тобой любовь сейчас будет. Страстная и до утра».

Я начинаю ему так мягко говорить, мол, Саша, тут такое дело, у меня проблемы по женской части...

Он говорит: «Ерунда, я не брезгую».

Я ему начала жаловаться, что проблемы не временные, а я просто реально болею, мне операцию надо делать, что он такой хороший парень, мне очень нравится, но действительно, я себя чувствую очень неважно, но когда вылечусь, то обязательно мы с ним что-то придумаем...

Он меня слушает, кивает, но вижу, не верит. Говорит: «Ну, че тогда? Че ты, только один способ знаешь, как мужчине радость доставить?»

– Какие у вас там бандиты интеллигентные, – улыбнулся Каховский. – Прямо изъясняются литературно так...

Лиза тоже улыбнулась и лукаво взглянула на своего защитника.

– Нет, он, конечно, не так говорил. Я просто общий смысл довожу... Он говорил проще... В общем, отвечаю ему: извини, я это тоже не умею просто, да и некрасиво это как-то. Ты, мол, Саша, такой классный парень, с тобой только красиво бы все, не как у всех... Ты, мол, особенный...

– Неужели повелся на «особенного»? – спросил адвокат с недоверием.

– Мы с ним сделку заключили. Я ему пообещала фантастическую «Тысячу и одну ночь», как только приду в форму. А он мне говорит: «Ты понимаешь, что я не могу с тобой сегодня не переспать? Меня просто не поймут пацаны. Так что ты должна сказать, что я супергерой был с тобой, рвал тебя на тысячу кусочков до утра. Поняла?» Я ему поклялась, что распишу его достоинства в цветах и красках. После этого мы просто с ним напились и проспали в разных комнатах... Вот так... А с очкариком у нас одна начала встречаться, мол, интеллигент, а как не дала, так он ее утюгом и пришиб. Так что я знаю, кто опасен, а кто нет. Паша ваш – добрый. Это было сразу видно. Он меня в этот же день привез в ателье своего приятеля. Мне и работу сразу дали, и жилье. Ну, каморку эту, кладовую. Это, конечно, не сказка, о которой я мечтала, но для первого дня в Москве – просто чудо. И я поверила, что чудеса бывают, а люди, которые мне попадаются здесь, – чудесные. Вот, Федор и появился, когда я в таком чудесном состоянии находилась. «Если хочешь – живи у меня», – он так и сказал. Разве не чудо?

Адвокат удивленно разглядывал Лизу. Очевидно, она очень умная девушка, так ему показалось. Психолог от природы, оптимист и весьма позитивный человек. Можно сказать, правильный. И как такая могла попасть в ситуацию, выход из которой – до двадцати лет лишения свободы? Неужели то, что адвокат сейчас видит и слышит, всего лишь игра, а перед ним – жесткий и расчетливый персонаж, использующий ситуацию и людей в своих интересах?

Глава 10

Каховский, стоя у окна своего кабинета, наблюдал за происходящим перед зданием. Весна уже давно вступала в свои права, хотя затянула с приходом прилично: еще в середине апреля, после вполне себе весеннего тепла, вдруг пошел снег. Так что природа в этот год удивляла сама себя, то победно кряхтя набухшими почками деревьев, то съезживаясь от северного ветра до желтизны листвы, то вновь вывешивая зеленый флаг победы. Не удивлялись только москвичи, привыкшие винить в капризах природы жилищно-коммунальные службы, МЧС и градоначальника.

Артем любил весну именно в это время, когда уже почти лето, когда можно забыть о почерневших островках снега на зеленых газонах, не очищенных от собачьих испражнений заботливыми гастарбайтерами. Он повернулся к помощнице.

– Я вот, Тина, думаю, какое домашнее животное завести?

– Жениться вам надо, барин, – произнесла Тина, ставя на стол стакан в серебряном подстаканнике, подаренном Артему на какой-то день рождения. – Хотя... Я вам давно говорила: заведите себе ханурика. Кошка для вас слишком ленива, собака слишком глупа, змей вы не любите, ханурик в самый раз.

– Ханорик, наверное, – поправил адвокат. – Ты ж говорила, что это смесь хорька и норки? Ханорик, значит?

– Ханорик, ханурик, какая разница, хоть канарейку! Быстрее домой будете уходить, а не сидеть допоздна. Животное кормить надо.

Тина лихо развернулась, тряхнула рыжей копной волос и с гордым видом удалилась, цокая шпильками и понимая, что последняя фраза за ней, а значит, хоть в чем-то она своего начальника сделала.

– Канарейку, – Каховский опять посмотрел в окно, где в толще ветвей деревьев наверняка обосновались невидимые птицы. – Канарейка – это мысль неплохая.

В детстве у Артема в комнате жил кенар. Пел отчаянно, ухода требовал мало, главное было – вовремя корм подкладывать и не давать поилке иссыхать. Первый кенар благополучно сдох от жажды, когда маленький Артем оставил его на выходных, не проверив поилку, а сам с родителями укатил на дачу. Дело было в жару, птица не простила такого отношения, в связи с чем Артем долго плакал и хоронил ее со всеми почестями, о которых в то время знал.

О втором кенаре Артем заботился по книгам, поэтому тот прожил дольше первого, но все равно сдох от какой-то болезни после того, как потерял почти все перья.

Артем решительно надел пиджак, висевший на спинке кресла. Времени до конца рабочего дня оставалось немного, хотя его уход все равно никто бы не контролировал, в чем, кстати, и заключается главная прелесть работы адвоката.

Каховский знал, где находится переехавший недавно птичий рынок. В зоомагазин он идти не хотел, несмотря на то что тот был в двух кварталах от офиса адвоката. В зоомагазине нет духа, присущего птичьему рынку. Звери, рыбы и птицы в зоомагазине – товар на прилавках, хотя, возможно, и хорошего качества. На птичьем рынке можно взять бракованный товар, но там есть атмосфера, которая присуща только рынку. Рынок – это не только купи-продай. Это общение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.